

Оглавление

От редакции	7
<i>П.Н. Клюкин. Поворот к физиократической метафизике</i> (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ)	13

Часть I ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ФИЗИОКРАТОВ

Ф. КЕНЭ

Очевидность [1756]	45
Фермеры	87
Зерно.	122
Население	183
Налоги	242
Объяснение «Экономической таблицы»	279
Философия земледелия.	288
Естественное право.	327
Ответ на мемуар г-на М. Х.	340
Анализ «Экономической таблицы» (вместе с существенными замечаниями)	350
О торговле	367
Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам.	407
О ремесленном труде	436
Китайский деспотизм (глава VIII).	459
Замечания относительно денежного процента	482

П.-С. ДЮПОН ДЕ НЕМУР

О происхождении и развитии новой науки [1768]	489
---	-----

А.Р.Ж. ТЮРГО

Письмо Аббату де Сисэ о бумажных деньгах	525
План работы о торговле, денежном обращении, проценте и богатстве государств	533
Учреждение фондов	536
Ярмарка.	545
Похвальное слово Венсану де Гурнэ	551
Торговля зерновыми	567
Докладная записка о рудниках и каменоломнях.	575
Размышления о создании и распределении богатств.	578
Поощрение мануфактур	636
Письмо Юму.	639
Ценности и деньги.	643

Часть II

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Онкен А. Система физиократов [1902]	663
Бауэр С. «Экономическая таблица» Кенэ [1895]	823
Нейл Т.П. Кенэ и физиократия [1948]	847

Часть III

РАЗВИТИЕ МЕТОДА «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ» КЕНЭ

1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Туган-Барановский М.И. Теория рынка [1894]	871
Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот [1928]	933
Немчинов В.С. Экономическая таблица Ф. Кенэ [1965]	995

2. ЗАПАДНАЯ ТРАДИЦИЯ

Леонтьев В. Количественные соотношения затрат и выпуска в экономической системе США [1936]	1019
Филлипс А. «Экономическая таблица» как простая модель Леонтьева [1955]	1047
Майтал Ш. «Экономическая таблица» как простая модель Леонтьева: поправка [1972]	1055
Барна Т. «Таблица» Кенэ в современном представлении [1975]	1059
Билджинсой С. «Экономическая таблица» Кенэ: аналитика и выводы для экономической политики [1994]	1076

3. ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии [1880]	1095
Труды Франсуа Кенэ	1170
Оглавление издания А. Онкена (1888)	1175
Издания трудов Ф. Кенэ	1178
Периодические издания физиократов	1179
Издания А.Р.Ж. Тюрго	1179
Основные произведения других физиократов	1179
Библиография	1181
Издания и переводная физиократическая литература на русском языке . .	1193
Избранные труды по физиократическому методу «Экономической таблицы»	1195
Именной указатель	1198

От редакции

Очередной том серии «Антология экономической мысли», выпускаемой издательством ЭКСМО, посвящен физиократам — французским экономистам, которые сформировали общественное и интеллектуальное движение во Франции в период середины 1750-х — 1770-х гг., явились одними из родоначальников политической экономики как науки, а также предтечами (и даже участниками) событий Великой французской революции 1789 г.

Тем не менее, в настоящем издании произведения физиократов по ряду причин занимают только первую часть тома; причем эта часть занимает чуть больше половины от объема всего издания, чего не случалось в предыдущих книгах серии. Подобная диспропорция объясняется как относительно скудным количеством переведенных у нас физиократических текстов, так и акцентом, сделанным в данном случае на позднейшей истории физиократии, вариантах ее интерпретации в разные эпохи и учеными разных стран. Речь идет об охвате двух относительно независимых ветвей этой длинной истории — а) историографии и б) истории развития физиократического метода.

Часть I «Избранные произведения физиократов», оставляя за рамками издания сочинения маркиза Мирабо, Мерсье де ла Ривьера, аббата Бодо, Ле-Трона, графа д'Альбона и др., включает сочинения трех мыслителей: основателя физиократии Ф. Кенэ, ее официального «трубача» и издателя П.-С. Дюпона де Немура и министра-реформатора (человека, самостоятельность взглядов которого позволяет называть его физиократом лишь отчасти и с оговорками) А.Р.Ж. Тюрго.

Произведения Кенэ отбирались из трех отечественных изданий (см. раздел справочных материалов в конце книги): из «Выбранных мест Франсуа Кенэ», 1896; «Буржуазных предшественников социалистической экономики», 1926; и наиболее доступных и авторитетных у нас «Избранных экономических произведений Ф. Кенэ» 1960 г. Новым вкладом в копилку переводов Кенэ на русский язык является статья «Очевидность», написанная для т. VI «Энциклопедии» и увидевшая свет в 1756 г. Она представляет собой концентрированное изложение философских взглядов мыслителя, ведущих свое происхождение, в частности, от предисловия к 1-ому тому «*Mémoires de l'Académie royale de chirurgie*» (1743). Впервые она публикуется в настоящем издании, хотя, по замечанию А.Н. Миклашевского, готовилась к печати еще в 1895 г. (с. XXV изд. 1896 г.); оригинал взят из авторитетного издания Онкена 1888 г. Все уже прежде переведенные работы Кенэ также сверялись с французским оригиналом, в некоторых местах была уточнена терминология.

Из богатого наследия Дюпона для настоящего издания — также впервые — была переведена классическая статья «О происхождении и развитии новой науки» (1768). Нужно только иметь в виду, что Дюпон,

сам усвоивший физиократическое учение не раньше 1763 г., неправильно относит первую встречу «трех человек» (Венсана де Гурнэ, маркиза Мирабо и Мерсье де ла Ривьера) с Кенэ за 13 лет до публикации своей статьи, т.е. к 1755 г. Известно, что первая встреча Кенэ с Мирабо состоялась только в июле 1757 г., а с Гурнэ — незадолго до смерти последнего, которая последовала в июне 1759 г.

Экономическое наследие Тюрго было заимствовано из добротного сделанного издания его «Избранных экономических произведений» (1961). Лишь в некоторых местах перевода была исправлена терминология: в «Размышлениях о создании и распределении богатств» для большей связности улучшена стилистика, а в неоконченном сочинении «Ценности и деньги» слово «монета» (*la monnaie*) в ряде случаев заменялось на слово «деньги».

Часть II «Из истории развития физиократической мысли», посвященная историографии, представлена работами А. Онкена, С. Бауэра и Т. Нейла. С именем А. Онкена, едва ли не крупнейшего знатока физиократической литературы (и вместе с тем — в отличие от Г. Шелле и Г. Велерса — тонко разбиравшегося в проблемах теоретической экономики), связан решительный поворот к изучению наследия Франсуа Кенэ. Сначала издание «Экономических и философских трудов Кенэ» 1888 г., а затем «История политической экономии до Адама Смита» (1902, рус. пер. 1908) изменили мнение об однородности физиократии, провели разграничительную линию между действительным основателем этого учения и теми, кто излагал его публике. В настоящем издании воспроизводится 2-ая книга «Физиократы» его завершающего труда «История политической экономии...», который был практически сразу же и целиком переведен по инициативе А.С. Посникова для нужд созданного в 1902 г. экономического факультета Санкт-Петербургского политехнического института. Такое трудоемкое «воспроизведение», включавшее не только ручную перебивку текста из-за особенностей написания слов в старом русском языке, но и перевод французских и немецких цитат и названий, а также сверку с немецким оригиналом, позволило привести этот текст (примерно треть всего труда Онкена) к современному виду и поместить в настоящем издании.

С. Бауэру, составлявшему с Онкеном в 1890-х гг. австро-немецкий передовой исследовательский тандем в физиократии, историки обязаны многими находками физиократических документов (например, статьей «Население»), но ни одна из них не имела такого влияния, как найденный им в «Archives Nationales» по указанию А. Штерна первый вариант «Экономической таблицы» 1758 г. Статья Бауэра, впервые переведенная и приводимая в настоящем издании, написана сразу же после публикации «Таблицы» Британской экономической ассоциацией в 1894 г.

Статья Т. Нейла 1948 г., также впервые переведенная для настоящего издания, не скована (вследствие специфики журнала «History

of ideas») рамками стандартов, принятых в экономической науке; она раскрывает интеллектуальную атмосферу, в которой развивалось физиократическое движение, и продолжает осмысление зафиксированного Онкеном разграничения взглядов Кенэ и учения физиократической школы. Причем, что важно, это делается Нейлом уже с позиций англоязычной традиции, представление о которой с 1930-х гг. также стало иметь большое значение, — в частности, для понимания того, когда и каким образом эта традиция отходит от интерпретации физиократии, данной в «Богатстве народов» Смита.

Часть III «Развитие метода «Экономической таблицы» Кенэ», вследствие нецелесообразности объединения текстов в одно целое, распадается, строго говоря, на две составляющие (единый список работ по физиократическому методу см. в конце книги). Первая составляющая представляет отечественную традицию. Она начинается с классических глав М.И. Туган-Барановского о разрешении проблемы рынка из книги «Промышленные кризисы» (1894), в котором — для осмысления «Капитала» Маркса как единого целого — осуществлен первый серьезный возврат к «Таблице» Кенэ. В сочетании с ранней статьей Туган-Барановского «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности» (1890) этот текст образует отправную точку в развертывании российской аналитической традиции В.К. Дмитриева, Н.Н. Шапошникова, В.И. Борткевича, Г.А. Харазова. Все эти имена принадлежат не только отечественной, но и мировой науке.

Творчество В. Леонтьева представляет собой известные трудности при однозначном отнесении его к отечественной или западной традиции. Поэтому принято компромиссное решение: более раннее сочинение Леонтьева «Хозяйство как кругооборот» (1928), главное его произведение Берлинского периода, отнесено к отечественной традиции, тем более что оно имеет явные точки пересечения с идеями М.И. Туган-Барановского, В.К. Дмитриева, А.А. Чупрова, Н.Д. Кондратьева и др.; тогда как более поздняя работа «Количественные соотношения затрат и выпуска в экономической системе США» (1936), написанная уже в Гарварде и имеющая задачей построить «Таблицу» для экономики США за 1919 г., включена в качестве начала западной традиции.

Статья «Хозяйство как кругооборот» публикуется со значительными исправлениями первоначального перевода, которые потребовались в связи с сугубо издательскими причинами (ср.: Леонтьев В. Документы. Воспоминания. Статьи. СПб.: Гуманистика, 2006; несмотря на это, выражаем благодарность директору издательства А.И. Мелуа); сопроводительное письмо самого Леонтьева в редакцию журнала «Structural Change and Economic Dynamics», а также предисловие П. Самуэльсона к публикации этой статьи на английском языке также воспроизводятся — без изменений.

Статья Леонтьева «Количественные соотношения...» впервые переведена для настоящего издания, за исключением фрагмента, подроб-

но описывающего каждую из 44 отраслей американской экономики (р. 116—122 англ. оригинала); также за исключением воспроизведения полного варианта таблицы «затраты-выпуск» в двух вариантах (Табл. 5 и 6 по оригинальной нумерации). Вместо этого приведен эскиз, дающий представление о структуре таблиц и их числовом содержании (с. 1046). Любопытно, что в этой статье 1936 г., ставшей, по мнению Самуэльсона, отправной точкой в движении к зрелому леонтьевскому методу «затраты-выпуск» 1940—1950-х гг., связь с российской традицией не теряется; но на первое место из русских экономистов, судя по трактовке проблем сельского хозяйства, выходит уже А.В. Чаянов с его теорией «трудового крестьянского хозяйства» (1912, 1925).

Заканчивает блок текстов, посвященный отечественной традиции, глава акад. В.С. Немчинова «Экономическая таблица Ф. Кенэ» из 2-го издания книги «Экономико-математические методы и модели» (1965). Она дополнена фрагментом из гл. 6 «Схемы расширенного воспроизводства К. Маркса и В.И. Ленина» той же книги, который анализирует восприятие Марксом «Таблицы» Ф. Кенэ в контексте проблемы простого воспроизводства (в письме Ф. Энгельсу от 6 июля 1863 г.).

Второй блок текстов части III посвящен западной традиции в исследовании «Таблицы»; как уже указано, он открывается статьей Леонтьева 1936 г. Все статьи этого блока переведены для настоящего издания и впервые публикуются на русском языке. Речь идет о работах А. Филлипса (1955), Ш. Майтала (1972), Т. Барны (1975), С. Билджин-со (1994), которые, на наш взгляд, представляют магистральный путь осмысления «Таблицы» Кенэ в плоскости теории общего равновесия и исходят из леонтьевской ее интерпретации в духе метода «затраты-выпуск». Из библиографии физиократической литературы, приводимой в конце книги, видно, что этой линией западная традиция, конечно, не исчерпывается: в стороне остались не только отдельные статьи (например, R. Meek, 1960; V. Foley, 1973), но и циклы статей (W. Eltis, 1975) и даже целые книги, специально посвященные проблеме метода (G. Vaggi, 1987). Однако, в приводимой подборке эти источники так или иначе упоминаются и обсуждаются. Почин сделан, и здесь для исследователей и переводчиков еще много работы.

В часть III также включен подраздел «Возвращенные имена», который содержит главное произведение нашего замечательного ученого Сергея Андреевича Подолинского (1850—1891) «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (1880). Оно воспроизводится с незначительными стилистическими исправлениями по изданию: Сергей Андреевич Подолинский. М.: Ноосфера, 1991. (Серия «Мыслители Отечества».) С. 11—82. Об удивительной и трагической судьбе ученого см.: Чесноков В.С. Сергей Андреевич Подолинский. М.: Наука, 2001. (Благодарность Г.Д. Гловели за указание на эти источники и передачу их в распоряжение для работы.)

В этой статье Подолинский пытается найти естественно-научные основы заложенной в «Капитале» Маркса концепции общества; он даже отправил Марксу свое сочинение и получил от него благожелательный отзыв, причем сохранился конспект этой работы Подолинского, собственноручно сделанный Марксом. У нас в России, однако, некогда возобладала точки зрения Ф. Энгельса: «смешав физическое с экономическим, Подолинский сбился с пути...». Признанный сначала В.И. Вернадским, а затем и еще рядом ученых, Подолинский считается сегодня в узких кругах основателем особого научного направления — т.н. физической политической экономии. Однако ни имя его, ни труды неизвестны большинству экономистов, хотя сам Подолинский не был чужд политико-экономических интересов: еще будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Императорского университета св. Владимира в Киеве (окончил с отличием в ноябре 1871), он посещал известный кружок Н.И. Зиберы, слушал его лекции по политической экономии и статистике. В свете развития традиции воспроизводства и кругооборота, имеющей непростые отношения с т.н. трудовой теорией ценности/стоимости, сочинение Подолинского, в котором говорится о труде и его экономическом эквиваленте (аналог принципа «зерновой модели»!), а также признается правота Кенэ в части «бесплодности» труда человека, бесспорно, нуждается в переосмыслении профессиональными историками экономической мысли и представителями политико-экономической традиции. С этой целью оно и помещено в настоящем издании.

Завершают том ряд справочных материалов, которые приведены в последовательности, указывающей на приоритетность для данного издания фигуры Кенэ. Это, во-первых, библиография «Трудов Франсуа Кенэ», с указанием их полных названий (без перевода на русский язык); во-вторых, — для лучшей ориентации читателя — «Оглавление издания А. Онкена (1888)», на которое в томе есть ряд ссылок. В-третьих, библиографические материалы, дающие представление о физиократии в целом — как у нас, так и по преимуществу на Западе. Они включают: а) «Издания трудов Ф. Кенэ»; б) «Периодические издания физиократов»; в) «Издания А.Р.Ж. Тюрго»; г) «Основные произведения других физиократов» (маркиза Мирабо, Дюпона, де ла Ривьера, Бодо, Ле-Трона, д'Альбона); д) «Библиографию» физиократической литературы, которая связана в основном с осмыслением наследия Кенэ и разделена на три периода: ранний (до 1890), переходный (1890—1938) и поздний (1939-); е) «Издания и переводную физиократическую литературу на русском языке», за исключением общих курсов по политической экономии и истории экономической мысли А.И. Чупрова, С.Н. Булгакова, А.Н. Миклашевского, В.В. Святловского, И.И. Рубина, П.И. Лященко и др., а также за исключением многочисленных статей, посвященных анализу схем воспроизводства К. Маркса; ж) «Избранные труды по физиократическому методу “Экономической таблицы”», список которых отражает

точку зрения научного редактора и составителя тома. Он содержит имена, которые внесли принципиальный вклад в воспроизводственную традицию: кроме Ф. Кенэ и К. Маркса, это — российская аналитическая традиция (М.И. Туган-Барановский, В.К. Дмитриев, Н.Н. Шапошников, В.И. Борткевич, Г.А. Харазов), В. Леонтьев (и соответствующее направление, осмысливающее метод «затраты-выпуск» в контексте теории общего равновесия, — т.е. работы А. Филлипса, Ш. Майтала, Т. Барны, П. Самуэльсона, С. Билджинся) и П. Сраффа. По причине неоднозначности трактовки в историко-экономической науке в список не включена статья Дж. фон Неймана «Модель общего экономического равновесия» ([1932, 1937], 1945—1946), хотя в литературе можно встретить аргументированное мнение и о сходстве построений Неймана и Сраффы, и о том, что Нейман является представителем «российско-немецкой экономической школы», но уже не в терминологическом варианте Х.-Ю. Серафима (1924, 1925).

Примечания авторов, как и прежде, обозначены цифрами, примечания редактора — звездочками. Колонтитулы в целях большей информативности сделаны сложными, они одновременно (т.е. на двух смежных страницах) отражают название тома, имя автора текущего произведения, название этого произведения и номер и название главы или параграфа согласно внутренней структуре произведения. Издание снабжено именным указателем, охватывающим только оригинальные произведения физиократов, т.е. в объеме части I. Хочется принести слова особой благодарности А.Н. Григорьеву за терпение и профессионализм в процессе трудоемкой подготовки тома к изданию.

Издание приурочено к 250-летию «Экономической таблицы» (1758) и представляет собой следующий шаг в осмыслении физиократического наследия в нашей стране. Если 50-летний цикл творческих открытий в физиократии (начиная с момента изобретения «Таблицы», 1758—1801—1858—1908—1960), продолжает существовать, то наступает вполне благоприятное время для новых идей в этой области.

П.Н. Клюкин

Поворот к физиократической метафизике (к 250-летию «Экономической таблицы» Ф. Кенэ)

Обращение к физиократии на современном этапе развития экономической мысли, если оно не желает быть компиляцией и перепевом общеизвестных представлений, разбросанных по бесчисленным трудам, посвященных этому предмету, а также по всевозможным курсам истории экономических учений, нуждается в формулировке исходной точки зрения исследователя. Дело, однако, осложняется тем, что сама эта точка зрения, особенно после утраты той роли, которую играл в науке марксизм до начала 1990-х гг., теперь уже не может быть сформулирована как бы *a priori* в заданных координатах, а должна по идее явиться результатом анализа долгой эволюции физиократического учения.

Это обстоятельство заставляет принципиально изменить подход к классическому периоду истории экономической мысли. Если раньше этот период, по крайней мере, у нас в России рассматривался как путь с односторонним движением, конечным пунктом которого был Маркс, так что достаточно было поместить физиократию в один хронологический ряд с меркантилизмом, У. Петти, П. Буагильбером (и Р. Кантильоном), А. Смитом и Д. Рикардо, чтобы очертить ее место в науке, то теперь, продолжая придерживаться этого же взгляда, мы попадаем в тупиковую ситуацию.

Этот тупик проявляется уже в том, что представление о физиократии сводится к набору общеизвестных утверждений — вроде тех, что она пришла на смену меркантилизму, что бесспорной заслугой этого движения был поиск источника богатства в сфере производства, а не обмена, что физиократ Ф. Кенэ стоял у истоков экономической науки и т.д. Еще хуже то, что такого рода утверждения, ставшие общими местами, проникли и внутрь доктрины; сформировались даже целые «физиократические пороки» — таков, например, тезис Кенэ о производительности исключительно земледелия, таково его понимание прибавочной стоимости исключительно как (земельной) ренты, такова недооценка им роли «бесплодного класса» в создании прибыли и т.д. И при всем этом в едва ли не последней отечественной книге, посвященной физиократии, констатируется, что «в нашей стране экономические взгляды Кенэ хорошо известны»¹.

¹ Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. (Из истории экономической мысли.) М.: Экономика, 1988. С. 4. В библиографии работ о Кенэ автор не упомянул о книге И.И. Рубина, созвучной ей и по жанру, и по содержанию (см.: Рубин И.И. Франсуа Кенэ. Основатель физиократической теории. (Жизнь замечательных людей.) М.; Л.: Московский рабочий, 1929).

Однако оттого, что нечто известно, еще не значит, что оно понято. Можно видеть, что от истории мысли остается в таком случае только ее историческая, консервативная часть, и пропадает творческая, связанная с развитием метода. Как свидетельствует литература, подобное разделение частей можно наблюдать на всем протяжении истории физиократии. У нас в России оно приняло хронический характер еще с начала XIX века (со времен первого издания перевода «Богатства народов» Смита), а причина может быть усмотрена в низком уровне развития теоретической экономики¹.

В советское время творческая часть была преимущественно уделом экономистов-математиков, занимавшихся как развитием «Экономической таблицы» в русле схем воспроизводства Маркса и Ленина, так и анализом некоторых ее западных интерпретаций². Однако это творческое движение происходило по существу в условиях статичности, заданности предмета, за который ответственна как раз политическая экономия. Неудивительно, что в этот период, по всей вероятности, только в работах акад. В.С. Немчинова был намечен определенный прорыв (см. его очерк в наст. изд.), т.к. «Таблица» рассматривалась в контексте масштабной задачи выдвижения альтернативы методу «затраты-выпуск» В. Леонтьева, имеющему явные политико-экономические черты.

Теперь обнаруживается и причина тупиковой ситуации. От последних десятилетий XX века мы унаследовали укоренившееся «разделение труда» между общей политической экономией и историей экономических учений, куда, собственно, и входило (и продолжает входить) рассмотрение физиократии³. Увеличения эффективности, однако, не произошло, или же оно сейчас обесценено; в итоге, на сегодняшний день, когда политическая экономия оттеснена в науке на задний план, дело еще более усугубилось и физиократия представляется бесконечно устаревшей системой, место которой только в истории, т.е. — по столь же общепринятому представлению — в далеком прошлом.

Поэтому проблема в общем смысле заключается в преодолении той пропасти, которая отделяет физиократию от ее политико-экономического представления, а этому представлению, в свою очередь,

¹ Не случаен тот факт, что первый возврат к «Экономической таблице» у нас был инициирован М.И. Туган-Барановским (1894), с именем которого вполне правомерно связывать начало нового периода в развитии отечественной политико-экономической традиции. Ср. с историографическим направлением, например, с очерком о физиократах Н.И. Кареева 1902 г. (см. данные в наст. изд., с. 1193).

² См. например: Коваленко И.И. «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ и ее современные экономико-математические интерпретации. М.: МГУ, 1968 (рассматривались интерпретации А. Филлипса и И. Хишиямы); Замков О.О. Экономико-математический анализ схем расширенного воспроизводства в условиях меняющейся нормы прибавочного продукта // Экономика и математические методы. 1986. Т. XXII. № 1. С. 20—21 (и лит. к ней).

³ Исключение составляют, пожалуй, только некоторые работы Н.А. Цаголова. См., напр.: Цаголов Н.А. Вопросы истории политической экономии. М.: МГУ, 1984.

надлежит выполнить еще более сложную задачу — поставить себя в соответствие с современностью¹.

Даже если эти две задачи решаются последовательно, а не одновременно, все равно нужно начинать с истории; но такой истории, которая как бы отталкивается от современности. На этом пути приходит понимание, что физиократия важна не только сама по себе, но и как существо экономической теории воспроизводства, т.е. как определенная мыслительная традиция. Поэтому чтобы вдохнуть в нее жизнь, требуется — наряду с поступательным историческим движением — добавить возвратное движение, от Маркса к Кенэ². Это движение лучше понимать как двухступенчатое: «современность — Маркс — Кенэ», в котором за Марксом сохраняется субстанциальное значение среднего термина; иначе (при схеме «современность — Кенэ») на этапе возврата от Кенэ к современности мы останемся на чисто историографической точке зрения, которая, в конечном счете, сведет все развитие физиократии к умножению документов и их бесконечных внутренних интерпретаций³.

При выбранном подходе физиократия освобождается от приоритетных оценок Маркса в свой адрес, причем даже от тех, которые были связаны с теорией воспроизводства. Наоборот, эти оценки сами, в конечном счете, должны будут получить оценку в контексте развития физиократической теории; но тем самым может быть придан импульс к развитию и системе самого Маркса в качестве важного, но не окончательного этапа в развитии экономической теории воспроизводства.

Можно заметить, далее, что эта процедура возвратного движения в пространстве мысли обладает эвристической силой, отличающей науку политической экономии от большинства естественных наук, а также наук общественных, которые выстраиваются по традиционному методологическому стандарту «прогрессистского» типа. Возвращение, или подлинно историческая компонента политико-экономической теории, — не просто сведения для получения «общей культуры», оно обогащает традицию; и это обогащение проявляется не иначе, как на

¹ Показательно, что непосредственное соотнесение «Таблицы» с теоретическим арсеналом мейнстрима приводит к выводу о том, что она кажется «бессодержательной абстракцией, которая не проясняет, о чем же конкретно идет речь» (Samuelson P.A. Quesnay's «Tableau Economique» As a Theorist Would Formulate It Today // I. Bradley, M. Howard (eds). *Classical and Marxian Political Economy: Essays in Honor of Ronald L. Meek*. London, 1982. P. 77—78).

² Этот подход был предложен в предисловии к другой книге настоящей серии: Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 8—13. Там рассматривалось отношение «Маркс-Рикардо», которое привело к 1) выявлению российской аналитической традиции: Туган-Барановский — Дмитриев — Шапошников — Борткевич — Харазов, и 2) обнаружению органической связи этой традиции с теорией П. Сраффы. Этот результат используется здесь в полной мере; можно даже сказать, что последующее изложение является его уточнением и развитием.

³ Если пытаться реализовать схему «Маркс-Кенэ» в чистом виде, без участия внешнего наблюдателя, который находится в современности, то для нас останется недоступным позднейшее развитие традиции после Маркса.

этапе поступательного исторического движения. Но теперь последнее оказывается уже опосредованным предшествующим возвращением (в этом отличие от двучленной схемы «X — современность») и может пониматься как возвращение возвращения или как постепенное восстановление себя, собирание в единое целое. Именно в таком собирании нуждается сегодня воспроизводственная традиция, чтобы поставить себя в отношение с современным положением дел.

Принципиальная схема поступательного исторического движения традиции

Будем иметь в виду, что развитие метода есть продукт разума, т.е. пропорция (ratio) или мыслящее отношение. Представим связь прошлого и настоящего в следующем виде:

$$\frac{A_1}{B_1} + \frac{A_2}{B_2} + \dots + \frac{A_n}{B_n} = \frac{C}{D},$$

где A_i — мыслители, внесшие своим творчеством вклад в развитие традиции (Ф. Кенэ, Д. Рикардо, К. Маркс и т.д. вплоть до П. Сраффы); B_i — эпохи или исторические обстоятельства, в которых они жили; C — человек, живущий в современную эпоху; D — современная эпоха, которую предполагается «постигнуть в мысли». Решается задача определения C , т.е. образования современного индивида, в частности, для продолжения традиции.

Поскольку речь идет об истории мысли, т.е. о едином пространстве, то $B_1 = B_2 = \dots = B_n = B$. Тем самым величины A_i получают соизмеримость и образуют, таким образом, некоторую суммарную величину. Является ли эта величина целокупностью, т.е. замкнутым в себе целым? Обычным возражением против исторической редукции служит аргумент о «дурной бесконечности», который означает в данном случае тезис о неограниченном числе A_i ; т.е. речь идет о наличии либо слева от $\frac{A_1}{B_1}$ (ср. споры о моменте начала политической экономии как науки), либо справа от $\frac{A_n}{B_n}$ дополнительных величин A_j . Второй момент исключается уже на том основании, что C как раз и претендует на то, чтобы занять свое место в ряду $\sum_i A_i$ по прошествии известного времени, когда современность отойдет в прошлое — и тогда C перейдет из правой стороны уравнения в левую. Основным является, таким образом, первый момент¹.

Здесь на помощь можно привлечь идею «Зигзага» Кенэ, т.е. первоначальный вариант «Таблицы» или т.н. «grand tableau» (1758), где, на-

¹ Проблема, конечно, исчезает, если при восприятии современности вообще не принимать во внимание историю; тогда то, что связано с A_i , равняется нулю. Если только C не обладает даром пророчества, то оно тоже приближается к нулю.

чина с некоторого заданного первоначального уровня дохода, через геометрическую прогрессию показан процесс затухания распределения этой величины между классами. Если задать для каждой из величин A_i значимость, т.е. вес, или, что то же, если ввести параметр распределения вклада в традицию $q_i < 1$ (у Кенэ он принимался равным $1/2$), то спокойное и непрерывное развитие традиции выражается через $A_n + A_{n-1}q + A_{n-2}q^2 + \dots + A_2q^{n-2} + A_1q^{n-1} + \dots$

Этот ряд будет сходиться, если выбрать точку отсчета традиции, т.е. мыслителя, к вкладу которого можно свести все прочие результаты¹. Выбирая за таковую последнего представителя традиции A_n (его, разумеется, еще нужно определить), можно получить в итоге: $A_n + A_nq + A_nq^2 + \dots + A_nq^{n-2} + A_nq^{n-1} + \dots = \frac{1}{1-q} A_n$, или величину ценности в области метода, накопленную традицией². В результате: $\frac{1}{1-q} \frac{A_n}{B} = \frac{C}{D}$ ³.

Представляется, таким образом, что всегда можно выделить базисные элементы ряда, образующего традицию, $A_1, A_2, \dots, A_n$, и упорядочить их соответственным образом. Более того, в таком выделении и проявляется мастерство и интуиция теоретика. Величину $\frac{A_n}{1-q}$ уместно обозначить как ΣA , тем более что при существующей долгое время, мощной традиции $q \rightarrow 1$; т.е. что каждый элемент образующего ее ряда значим, а изучение наследия только A_n (без предшественников) приводит, в конечном счете, к косности и догматизму, к уничтожению потребности в возвратном движении и обеднению традиции. В итоге получаем: $\frac{\Sigma A}{B} = \frac{C}{D}$, откуда $C = \frac{D}{B} \Sigma A$ ⁴.

¹ Ср. по аналогии: Дмитриев В.К. Экономические очерки. М., 2001. С. 78, 82, 85, 87, 92.

² Если за точку отсчета принять первого представителя традиции (например, самого Кенэ), то последующая эволюция — в целях сходимости ряда — может представляться как постепенное угасание света первой звезды. Иллюзия расширенного воспроизводства традиции, возникающая вследствие того, что принимается во внимание только поступательное ее движение, на самом деле «не дотягивается» до современности; эта точка зрения, оставаясь на одной и той же базе исследования и исходя из критерия в виде «самой современной» теории (у нас — Маркс, на Западе — Сраффа), ведет к догматизму и, в конечном счете, может обесценить все предыдущие завоевания.

³ Прирост чистого продукта в «Таблице» Кенэ составлял 100%; например, он начинал с 400 и приходил к 800 ливрам (т.н. «первое издание» «Таблицы» 1758 г., см. в наст. изд. с. 662, клише и печать С.М. Прокудина-Горского; на с. 281 наст. изд. приведен вариант с исходными 2000 ливрами, помещенный в «Philosophie rurale» 1763 г.; т.н. «третье издание» «Таблицы» 1759 г. с базисом в 600 ливров см. в «Избранных произведениях» Кенэ 1960 г.). Но важно, что в пределах одного цикла кругооборота перераспределялись все исходные 400 ливров, потому что — это здесь главное — сумма членов ряда $q + q^2 + \dots + q^{n-1} + q^n + \dots$ давала в итоге единицу как раз при $q = 1/2$.

⁴ Тот же результат получается, если не озадачивать себя «дурной бесконечностью»; тогда исходное выражение будет выглядеть как $\frac{A_1 + A_2 + \dots + A_n}{B} = \frac{C}{D}$. Впрочем, интуиция гения может быть вполне достаточно и одного звена в этой цепи: $\frac{A_1}{B_{(1)}} = \frac{C}{D}$.

А. Если абстрагироваться от эволюции хозяйственных систем, т.е. от их различия друг от друга¹, то $D \cong B$, и тогда $\frac{D}{B} = k$, что приводит к $C = k(\Sigma A)$. Здесь современность, «схваченная в мысли», — знание прошлого, взятое с коэффициентом усиления; т.е. перед нами иллюстрация идеи о том, что настоящее — достаточно хорошо понятое прошлое. Но это прошлое берется в виде факта, данности, т.е. в готовом виде; поэтому синтез прошлого и настоящего получается не органическим, а механическим, и являет собой простую экстраполяцию прошлого на настоящее. Однако непреходимая граница между прошлым и настоящим остается; любая экстраполяция пытается только стереть ее. Здесь кругооборот не осуществляется в полной мере, что находит свое отражение в диктате настоящего над прошлым; последнее оказывается подверженным всякого рода идеологическим влияниям и есть уже не история, а идеология — отношение, которое направляется на пассивный податливый объект.

В. Проблема заключается в том, что D и B в общем случае несоизмеримы, т.к. если B известно (например, эпоха, в которую жили физиократы, может быть изучена сравнительно глубоко при наличии доступных источниковедческих материалов), то D в принципе — нет. Но здесь мы получаем дополнительный аргумент в пользу значимости анализа исторического развития метода.

Рассмотрим C и D не отдельно друг от друга (т.к. обе — неизвестные), а именно в соотношении $\frac{C}{D}$ ². Это неизвестное тогда удивительным образом оказывается известным, т.к., в свою очередь, нет никаких непреодолимых препятствий к тому, чтобы величины ΣA и B нельзя было определить³. Но решающее значение для определения C в D имеет здесь уже не та или иная величина, а знак равенства; его можно назвать *способностью исторического воображения*, т.е. умением связывать прошлое и настоящее в нечто единое, непосредственно находить между ними общее. Этому умению вряд ли можно научить в школах, особенно если последние — школы не мысли, а

¹ Или в нашем случае с физиократией — от исторической эволюции внутреннего строения этой части политической экономики как науки, т.е. от историографии физиократического движения.

² Ср. по аналогии мысль Сраффы о том, что мы получаем возможность использовать данный стандарт (речь идет у него о стандартном товаре, в котором воплощены свойства «неизменной меры ценности»), не зная, из чего он состоит (Сраффа П. Производство товаров посредством товаров. М., 1999. § 43. С. 67).

³ Отдельный вопрос — что есть B , и как понимать его в соотношении с A ; дело в том, что экономическая мысль может не достигать требуемой степени чистоты абстрагирования от различий. Тогда она, вращаясь в отличие от философии в «подлунном мире», выражается в эволюции хозяйственных систем $B_1, B_2, \dots, B_n$ или их уменьшенного числа (ср. «идеальные типы» М. Вебера или «чистые формы хозяйственных порядков» В. Ойкена). В данной работе B рассматривается на более простом уровне историографии науки, разделенной на три периода, см. в наст. изд. с. 1181 и сл.

расчета либо, наоборот, схоластического начетничества; они потому и не чувствительны к развитию метода, что это развитие осуществляется в пограничной области, которая распространяется на современность, коль скоро последняя нуждается в воспроизведении A_{n+1} (воспитании C и его последующем превращении в элемент ряда) в новых исторических условиях.

Из сказанного непосредственно вытекает, что указанная процедура возвратного движения выявляет еще одну свою особенность: она предполагает непосредственное вмешательство исследователя в изучаемый исторический материал, доходящее до своеволия. Субъективность *восприятия*, вообще запрещенная в исторических источниковедческих исследованиях, восполняется здесь, во-первых, тем, что возможная ошибка должна быть отнесена на наш счет, а не на счет истории, которая в этом движении восприятия только объект; но этот объект, теряя свою объективность именно вследствие нашей заинтересованности им, преображается и приобретает нечто большее — жизнь, возможность движения и развития через воспроизведение; он растягивается в «галерею образов», но в то же время остается замкнутым в себе целым. И, во-вторых, субъективность восполняется благодаря сочетанию линий развития теоретического и практического, физиократического метода и физиократической историографии (ΣA и B , соответственно), так что обретается более объективный критерий содержательного развития традиции. Отбрасывая одну из этих линий, мы получили бы, в конце концов, либо абстрактно-пустоватую, либо подслеповатую физиократию¹.

В свете сказанного представляется, что движение «Маркс-Рикардо», приведшее к восстановлению ряда после Маркса «Туган-Барановский — Дмитриев — Шапошников — Борткевич — (Харазов) — Сраффа», было необходимым шагом к продолжению исследований, т.е. к движению «Маркс-Кенэ».

1. Физиократия в период до К. Маркса

В литературе сложилось устойчивое мнение о том, что «немеркнущую заслугу Кенэ [формулировку «Экономической таблицы»] оценили лишь Маркс и Энгельс почти через сто лет после ее появления»². В 1890-е гг. такая точка зрения была выдвинута Туган-Барановским, в 1920-е гг. — но уже без претензий на развитие метода — В. Святлов-

¹ По аналогии: И. Лакатос удачно перефразировал И. Канта, заметив, что «философия науки без истории науки пуста, история науки без философии науки слепа» (Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 265).

² Казарин А.И. Франсуа Кенэ как экономист // Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960. С. 15.

ским¹. И все же в ней сегодня заключена не вся правда; было выпущено из виду политико-экономическое измерение мышления физиократов.

Из библиографии трудов, посвященных физиократии, видно, что до конца 1880-х гг. (т.н. ранний период) собственно Кенэ было посвящено сравнительно ничтожное число историографических исследований; в основном преобладали работы, связанные с деятельностью Тюрго. После отставки последнего в мае 1776 г. и издания в том же году «Богатства народов» А. Смита физиократия и как доктрина экономической политики, и как экономическая теория, быстро отошла на задний план². Однако история физиократии началась с этого же момента; началась борьба ее последователей с господствующими течениями в науке, обнаруживающая тенденцию к постепенному смещению акцентов в сторону от Тюрго к Кенэ и достигшая в XIX веке своего апогея в издании «Экономических и философских трудов Кенэ» А. Онкена (1888).

Последний из физиократов «первой волны», близкий друг Тюрго, Дюпон успел оставить критические возражения в адрес главного последователя Смита во Франции Ж.-Б. Сэя, опубликовавшего к тому времени свой «Cours complet d'économie politique» (первое изд. 1803). Их смысл в контексте учения физиократов был предельно ясен: Сэй вслед за Смитом неправомерно ограничивает область действия экономической науки, рассматривает последнюю только как «науку о богатстве», как «коллекцию вычислений» (*un recueil de calculs*) и игнорирует «науку естественного порядка, применимую, как это и должно быть, к цивилизованному обществу»³. Именно наука естественного порядка образует существо термина «*économie politique*»; заключая же, наоборот, в термин «политический» (*la politique*) политические события, Сэй присоединяется к «науке Макиавелли, кардинала Ришелье, Бонапарта». Из возражений Дюпона следовало, что переход от системы физиократов к системам Смита-Сэя не был плавным и поступательным, а

¹ Святловский В. «Загадка Сфинкса» (Маркс и физиократы) // Записки научного общества марксистов. 1924. № 5 (1). Янв.-июнь. С. 20. Первое русское издание сочинений Кенэ также сопровождалось той точкой зрения, что «Карл Маркс был первым из ученых, кто понял значение физиократической системы» (Миклашевский А.Н. Жизнь и произведения Франсуа Кенэ // Ф. Кенэ. Выбранные места. Библиотека экономистов. Вып. VII. М., 1896. С. XLVI).

² О положении школы физиократов в момент смерти Тюрго (март 1781): «Секта экономистов не существовала более. Кенэ скончался в конце 1774 г. Маркиз Мирабо пал в глазах общественного мнения как писатель, а также как человек, потому что его тяжбы с женой и ссоры с сыном были сопряжены со слишком большими скандалами в его семье... Бодо возобновил в министерство Тюрго издание *Ephémérides*, при материальной помощи и моральной поддержке главного контролера, но новый журнал прожил всего несколько месяцев, и интриги его редактора отдалили от него наиболее испытанных старых друзей... Ле-Трон и Мерсье де ла Ривьер печатали время от времени интересные работы, но, несмотря на былую славу и заслуги авторов, их сочинения проходили незамеченными» (Schelle G. Du Pont de Nemours et l'école physiocratique. Paris, 1888. P. 211—212).

³ Correspondance de Du Pont de Nemours avec J.-B. Say // Physiocrates. Quesnay, Dupont de Nemours, Mercier de la Rivière, L'Abbé Baudeau, Le Trosne / E. Daire (ed.). Paris, 1846. Т. II. P. 436. (См. также в наст. изд. у Нейла, с. 852—853.)

скорее представлял собой разрыв или даже начало новой традиции, характерным моментом которого стала, в том числе, смена языка.

В 1846 г. после издания в серии «Collection des principaux économistes» работ экономистов предшествующей финансовой эпохи (1843; особенно произведения П. Буагильбера «Le detail de la France»), а также произведений Тюрго (1844), Е. Дэр выпустил двухтомное собрание физиократических трудов; второй том стал для нескольких поколений ученых — в том числе и для Маркса — непререкаемым и даже единственным авторитетным текстологическим источником. Тем не менее, составитель серии, решая также и общие задачи редактора, принадлежал к числу тех, кто — как А. Неймарк, А. Сэй, А. Мастье, К. Батби и др. — не только не относился к физиократам с симпатией, но был их противником по своим теоретическим взглядам¹.

При отборе материала Дэр так же руководствовался правилом в духе систематики Смита-Сэя: включать только те работы, которые попадают в предметную область экономической науки как науки о богатстве, а все прочие трактовать как «собрание трактатов... сбивающих с толку, — рассматривающих сразу и моральный порядок, и политический порядок, и материальные интересы общества»². Полагая, что «у Франции есть не меньше оснований гордиться доктором Кенэ, чем у Англии — Адамом Смитом», Дэр действительно вернул физиократов из небытия; но при этом он внес основательную путаницу понятий. Так, он однозначно записывал в физиократическую школу также Тюрго и Кондорсе; стремился поставить Кенэ как теоретика вещественного богатства в один ряд с английскими экономистами Смитом, Рикардо и Мальтусом, исходя из приоритетности точки зрения Смита в отношении «speculative physician» (так Смит называл Кенэ в «Богатстве народов»); следовал авторитету М. Росси — теоретика предельной полезности в духе Галиани — и, соответственно, его «Cours d'économie politique».

Тем не менее, Дэр натолкнулся на возражения; сначала было высказано мнение, что первенство Кенэ в истории экономической науки было обеспечено как раз благодаря «представлению на суд своих современников целостной социальной философии, в которой экономи-

¹ В этом мнении единодушны и Онкен (см. в наст. изд. с. 790), и Нейл (см. с. 854), принадлежащие к разным исследовательским традициям. Письма Дюпона к Сэю были опубликованы Дэром, которого нельзя упрекнуть в необъективности. Но сказалось умонастроение эпохи: общий тон его 80-страничного предисловия не настраивал на выяснение таких подробностей.

² В четком соответствии с принципом: «Материальность (matérialité) есть фундаментальный признак богатства» (Daire E. Introduction // Physiocrates. Quesnay, Dupont de Nemours, Mercier de la Rivière, L'Abbé Baudeau, Le Trosne. Paris, 1846. Т. II. Р. XXVII). Нейл проникательно подмечает, что Дэр мог применить этот принцип к любому произведению физиократов. Ср. его замечание относительно работ Ле-Трона (с. 853), фигуры, играющей важную роль после смерти Кенэ и отставки Тюрго. См. у Онкена (с. 815): «Единственным человеком из всего кружка [физиократов], не сложившим оружия, был Ле-Трон».

ческая наука была только основным следствием»¹. Дэр защищался, но, неудачно изложив общие философские основания физиократов (*philosophie générale*), спровоцировал новый контраргумент: «Основная заслуга доктора Кенэ состоит в его утверждении действительного и священного характера естественного права»². Точка зрения Дэра осталась, однако, преобладающей, и это определило соответствующее отношение к физиократии вплоть до конца 1880-х гг.

Обращаясь к параллельному развитию политической экономии после А. Смита, можно увидеть, что Д. Рикардо в своих «Началах политической экономии» (1817) явно или неявно уничтожил все отголоски физиократических идей, которые еще содержались у Смита³. В первую очередь это касалось метода. В.М. Штейн проницательно подмечает, что «только Рикардо окончательно изгоняет идею социального чуда из политической экономии. У него экономическая наука превращается в математику. Формулы не оставляют места для божественного вмешательства»⁴. Тот же прогресс с похожим результатом — неосозанным отказом от всех «физиократических предрассудков» — наблюдался в отношении смитовской концепции производительного и непроизводительного труда; этому способствовали как единый принцип определения меновой стоимости по количеству затраченного труда (*embodied labour*), так и основная, по мнению Рикардо, проблема политической экономии — распределение доходов между общественными классами. И, наконец, в своей теории дифференциальной ренты, которая должна была исправить «первоначальную ошибку Смита касательно ценности», Рикардо — по контрасту с физиократами — центральное место отводит физическому плодородию почвы⁵.

¹ Passy H. De l'école des physiocrates // *Journal des économistes*. 1847. Vol. XVII. P. 231 et suiv.

² Baudrillart H. La philosophie des physiocrates // *Journal des économistes*. 1851. Vol. XXIX. P. 4. (См. также у Нейла, с. 854).

³ См. изложение Смитом физиократической системы: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. Кн. IV. Гл. IX. С. 625—648.

⁴ «Даже Адам Смит не остается чужд этой [физиократической. — П.К.] традиции экономической мысли связывать рост народного благосостояния с каким-нибудь фактором, обладающим магической силой приращения богатства... Природа же у Рикардо отказывается осыпать человечество богатством в награду за послушание установленным ею естественным законам» (Штейн В.М. Развитие экономической мысли. Т. I. Физиократы и классики. Л.: Сеятель, 1924. С. 19).

⁵ В «Началах» Рикардо не упоминает Кенэ; но фраза, сохранившаяся только в предисловии к первому изданию, говорит о том, что он также видел в Тюрго самого зрелого физиократа, завершителя физиократической школы: «Определить законы, которые управляют этим распределением [доходов между классами], — главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны» (Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 79).

Между тем, полемика Рикардо с Сэем, которую он расценивал как важную (предполагая даже включить ее в качестве приложения ко 2-му изданию «Начал» в 1819 г.), никак не затрагивала физиократического учения. В общем, Рикардо уже был занят усовершенствованием теории Смита, а не возвратом к истокам ее создания. Трудовой характер этой теории был, казалось, ясно виден из того, что «годовой продукт земли и труда любого общества может быть увеличен только двумя путями: во-первых, посредством увеличения производительности полезного труда, выполняемого в нем; во-вторых, посредством увеличения количества этого труда»¹. Неудивительно, сколь трудным, но и сколь многообещающим впоследствии был процесс реконструкции классического наследия Сраффой на основе единого принципа «зерновой модели» и непосредственного перехода от Кенэ к Рикардо минуя Смита².

2. К. Маркс и начало научной физиократической историографии

При создании «Капитала» Маркс использовал совершенно другие идейные источники, нежели социальное учение Кенэ; одним из источников марксизма в этой связи были диалектико-исторический метод Гегеля, а также учения о социализме. Поэтому, создавая свое мировоззрение, Маркс явно или неявно замещал им социально-экономическую систему физиократов. Тем самым содержание «*économie politique*» не терялось, но приобретало новый смысл.

В отношении представлений о физиократической школе Маркс, в общем, разделял мнение большинства предшествующих экономистов (в основном британских классиков) о том, что Тюрго является наиболее зрелым физиократом. Помимо симпатий к «одному из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим»³ этому способствовали склонность Тюрго к историзму и материализму, а также более детальная, чем у Кенэ, классовая структура общества, в которой свое место заняли капиталисты и рабочие. Утверждение Маркса о том, что «физиократическая система приняла наиболее развитый вид» у Тюрго⁴, которое в нашей литературе приобрело значение всеобъемлющей

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 638.

² О том, насколько тонка и деликатна граница между Смитом и физиократической системой (если не считать понятия «бесплодного» [класса, труда], *stérile*), можно судить по неожиданному результату, обнаруженному Сраффой после конструирования им «стандартной системы», в развитие физиократической «*Tableau économique*»: «неизменная мера ценности» оказывается — вопреки мнению Рикардо — «эквивалентной чему-то очень близкому к стандарту, предложенному Адамом Смитом, а именно “располагаемому труду”» (Сраффа П. Производство товаров. Прил. D. § 2. С. 135).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 384.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1. С. 25.

характеристики физиократической школы¹, находится как раз в русле последней идеи.

Тем не менее, осуществляя возвратное историческое движение, Маркс приходит к «Экономической таблице» Кенэ; и, разрабатывая свои схемы общественного воспроизводства, — раскрывает ее значение (см. в письме Энгельсу от 6 июля 1863 г.). «Загадка сфинкса» разгадывалась на пути представления «Таблицы» как системы простого воспроизводства во 2-ом томе «Капитала». По этому пути, как мы увидим позже, и пошел Туган-Барановский в своей попытке совместить 2-ой том с 3-им.

Между тем, не издание первого (1867), ни даже издание второго тома «Капитала» (1885) не оказало влияния на подготовку нового и крайне плодотворного периода в развитии физиократической историографии, инициированного А. Онкеном и Г. Шелле. Издание трудов Кенэ Онкеном, который эволюционировал от сравнительного анализа методов Смита и Канта в 1870-х гг. к выяснению источников и судьбы доктрины «laissez-faire» в 1880-х², вытеснило издание Дэра; Шелле дал в первом приближении (сквозь призму взглядов Дюпона, выраженных сначала в многотомной «Physiocratie», а затем в изданных им в начале XIX в. сочинениях Тюрго) связный и целостный очерк развития физиократической школы³. С находкой в 1890 г. молодым австрийским ученым С. Бауэром в бумагах Мирабо (Archives Nationales. М. 784) первоначального варианта «Экономической таблицы» 1758 г. или т.н. «Зигзага» наследие Кенэ получило новый импульс к переосмыслению. Последнее носило в основном экстенсивный характер и накапливало ценный источниковедческий материал⁴, вращаясь в 1890-х гг. вокруг таких важных тем, как биография Кенэ и связь его заново переоткры-

¹ Бак И. Тюрго как экономист // Тюрго А.Р.Ж. Избранные экономические произведения. М., 1961. С. 19. См. характерные в связи с этим фразы: «Завершитель физиократизма, Тюрго не считал себя учеником Кенэ... Восприняв основы физиократического учения, он развивал дальше физиократизм, исходя из принципов эквивалентности обмена и свободы конкуренции... Он дал более глубокий, чем Кенэ, анализ капиталистических отношений» и т.д. (там же).

² Oncken A. Die Maxime «laissez faire et laissez passer»: ihr Sprung, ihr Werden. Bern, 1886. S. 2—7. Главными мотивами перехода к изучению исключительно фигуры Кенэ у Онкена стали, во-первых, осознание того, что максима имеет более раннее, чем в трудах физиократов, происхождение (ее первая часть употребляется еще маркизом д'Аржансоном, секретарем т.н. «Club de l'Entresol»); во-вторых, попытка в этой связи найти границу, где заканчивается меркантилизм, т.к. для Онкена последний — еще не наука.

³ Schelle G. Du Pont de Nemours et l'école physiocratique. Paris, 1888. Эволюция Шелле также показательна: От Дюпона и изучения Тюрго через «Eloge de Gournay» он возвращается к фигуре Венсана Гурнэ (Schelle G. Vincent de Gournay: laissez-faire, laissez-passer. Paris, 1897), и только после «Истории политической экономики до Адама Смита» Онкена он приходит к фигуре Кенэ (см. его работы 1904—1907 гг., с. 1185 наст. изд.).

⁴ Кроме уже упомянутых Онкена, Шелле и Бауэра в этом направлении активно работали В. Гасбах, К. Книс, А. Филипп, Ф. Лоррин, И. Гюйо, А. Дюбуа, А. Дешамп и др. Обращает на себя внимание интенсивно издающаяся переписка физиократов и лиц, близких к ним (см., например, приложения к статье Бауэра в наст. изд., с. 843—846).

того учения с мировоззрением предшествующих исторических эпох, особенно Средних веков и эпохи меркантилизма. Но оно никак не соприкасалось с марксовым усовершенствованием метода «Таблицы».

Результаты этого периода были обобщены и осмыслены Онкеном в своей капитальной «Истории политической экономии до Адама Смита» (1902), следующей синтетическому направлению историко-философского критицизма. При оценке этой работы важно иметь в виду, что из четырех крупнейших знатоков физиократии — самого Онкена, Шелле, Бауэра и чуть позже Г. Велерса, давшего системное представление о «физиократической эпохе» в целом¹ — Онкен больше всех симпатизировал именно Кенэ и вместе с тем глубже других разбирался в политико-экономических проблемах².

В сопряжении «Кенэ-Тюрго» он однозначно перенес центр тяжести на полюс Кенэ, из-за чего впоследствии получал обоснованные упреки в принижении роли Тюрго, в частности, его главного труда «Размышления...» (1770). Но Онкену удалось главное: радикально изменить систему координат физиократических исследований. Впервые со всей основательностью поставив вопрос о сравнительной роли Кенэ и других физиократов (в том числе и Тюрго) в создании физиократического учения, он пришел к выводу, что «процесс развития физиократии совершился только в голове Кенэ», и что «ни один из его учеников не принимал в этом участия»³.

Формально Онкен так же никак не пересекается в своем анализе физиократической системы с исследованиями Маркса по схемам воспроизводства. Однако, в параграфе «Tableau économique и ее объяснение» он отмечает, что материалы Маркса, на которые указывает Энгельс в своей книге «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», справедливо назвав «Таблицу» Кенэ «загадкой сфинкса», явно недостаточны для освещения вопроса. «Если мы и получили приблизительное понятие о

¹ Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. T. I—II. Paris, 1910.

² См.: Oncken A. The Consistency of Adam Smith // Economic Journal. 1897. Vol. 7. No. 27. Sep. P. 444. Здесь он поставил проблему соотношения «Теории нравственных чувств» и «Богатства народов» Смита, которая обсуждается до сих пор; см. напр.: Nieli R. Spheres of Intimacy and the Adam Smith Problem // Journal of the History of Ideas. 1986. Vol. 47. No. 4. Oct.-Dec. P. 611—612; Tribe K. Adam Smith: Critical Theorist? // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. No. 2. June. P. 613. Между тем Шелле не сумел по достоинству оценить вклад Галиани, считая, что он был известен в свое время больше легкостью нравов, чем своими познаниями в политической экономии. Велерс был строгим историографом, склонным более к эмпиризму, чем к обобщениям.

³ Позднейшая точка зрения Шелле — о том, что «было бы ошибкой думать, будто система физиократов вышла совершенно сформировавшейся из головы ее творца — Кенэ. Она складывалась постепенно, преподносилась по частям публике как учителем, так и учениками в статьях, брошюрах, книгах, с рядом последовательных изменений» (Schelle G. Le docteur Quesnay, chirurgien, médecin de m-me Pompadour et de Louis XV, physiocrate. Paris, 1907. P. 211) — не подтверждается современными источниковедческими исследованиями, которые еще резче стремятся подчеркнуть водораздел между учением Кенэ и физиократической школой.

том, что обозначают в отдельности «зигзаги» «Таблицы», то ведь все еще остается неясным, каким образом физиократы могли видеть в них основу экономической науки и компас для управления государством¹. Очевидно, Онкен рассматривал «Таблицу» в контексте всего учения Кенэ, чего уже не могло быть у Маркса, который в «Капитале» конструировал свою систему, а «Таблицу» использовал как техническое средство.

Кроме того, Онкен подметил, что Маркс пользовался в своем исследовании единственным сочинением Кенэ «Analyse du tableau économiq^{ue}», т.е. «арифметической формулой» (1766), которая представляет собой не «grand tableau», а ограничивается только «tableau abrégé»². И, наконец, в издании Дэра, которым пользовался Маркс, содержалось мнение Дюпона, которое растворяло философию физиократов в «Таблице» и тем самым запутывало соотношение «Таблицы» и физиократической системы в целом: «Естественное право людей указывает им физический общественный порядок (un ordre social physique), основанный, к наибольшей выгоде для человечества, на неизменной [основе] и на естественных и конституирующих законах совершенного государства. Мы только что увидели течение физического общественного порядка, представленного в “Экономической таблице”» [1766]³.

Но все это не помешало Марксу преобразовать «Таблицу» под нужды расширенного воспроизводства в русле теории прибавочной стоимости, переформулировав «авансы» Кенэ (термин «capital» он практически не использовал) в рамках своей классификации «основного-оборотного» капитала. *И в этом отношении Маркс оказался впереди историографов.*

Однако Онкен также не сомневался в плодотворности метода «Таблицы». Есть даже основания считать, что он был одним из первых, кто осознал этот факт, причем с двух разных точек зрения: во-первых, исходя из анализа учения Кенэ⁴, и, во-вторых, благодаря своим соб-

¹ Онкен, наст. изд., с. 735.

² Правда, замечание Онкена о том, что «tableau abrégé» уже в «Philosophie rurale» (1763) имела подчиненное значение, не подтверждается современными разысканиями: это произведение, написанное под непосредственным руководством Кенэ в период его наибольшего общественного влияния (до смерти Помпадур в мае 1764 г.), полностью, как считается, можно приписать ему; в нем, кроме того, Кенэ продолжал совершенствовать свои «Таблицы». См. также у Немчинова (с. 1000, 1004 наст. изд.).

³ Avis de l'éditeur [Du Pont] // Quesnay. Maximes générales... / Physiocrates. Vol. II. P. 79. «Analyse» располагался на с. 57—78. «Таблица» приведена на с. 65 издания Дэра, в том же виде она воспроизведена Марксом в письме к Энгельсу. Впрочем, указание Дюпона на то, что «максимы, которые я вручаю сегодня на суд публики..., были впервые опубликованы вместе с «Экономической таблицей» в Версале в декабре 1758 г.», а в дальнейшем перепечатывались с изменениями, вплоть до «Философии земледелия», являющейся «одной из наиболее значительных и обширных попыток развития “Таблицы”» (с. 80), могло навести Маркса на мысль о другом варианте «Таблицы» и обратиться более пристально к «Философии земледелия» (невзирая на то, что «чуждаково-патриархальному» феодалу [Мирабо] принадлежали, как считается у нас еще и теперь, все главы, кроме седьмой).

⁴ «Значение «Tableau» заключается в ее методе, а не в содержании, как это обыкновенно полагалось»; она отличается (здесь Онкен идет за Дюпоном) «science économiq^{ue}» от «science conjecturale» (см. с. 690 наст. изд.):

ственным методологическим установкам, сформировавшимся не в последнюю очередь благодаря «спору о методе»¹. Несмотря на то, что позднейшие представители — англоязычной традиции — считали, что Онкен «читал их [физиократов] глазами экономиста конца XIX века», и «считал их просто основателями первой строго научной системы экономической науки» (Т. Нейл, 1948, см. его статью в наст. изд.), он сделал два поразительных замечания, которые указали на развитие традиции после Маркса.

Во-первых, имея в виду случай Маркса, Онкен поставил будущим поколениям задачу более глубокого проникновения в существо «Таблицы»; для этого требуется сопоставить все объяснения «Таблицы», непосредственно или только косвенно исходящие от самого Кенэ; сюда на то время относились — обработанная и опубликованная Мирабо в 1760 году в виде приложения к «[L']ami des hommes» «Tableau économique avec ses explications»; затем «Philosophie rurale» 1763 г.; далее «Analyse» 1766 г. и обе «Problèmes économiques» 1766—1767 гг., разъясняющие способы применения «Таблицы» в отдельных конкретных случаях; наконец, составленное Бодо и основательно пересмотренное Кенэ, по свидетельству автора, «Explication du tableau économique» (1770; было опубликовано у Дэра). «Всякий, изучив серьезно все эти труды (а это дело нелегкое), необходимо придет к тому заключению, что «Таблица» сама по себе вообще необъяснима, что она может быть понята лишь в связи со всем учением физиократов и что только после общего обзора последнего можно понять и оценить положение этой формулы в системе»². Достаточно взглянуть на исследовательскую традицию Филлипса-Мика во второй половине XX в. и соответствующее издание «Таблицы» 1972 г., чтобы убедиться в проницательности этого взгляда (см. статьи Барны и Билджинсона в наст. изд.). Эта традиция, проделав длинный путь, логично приходит сегодня к необходимости отхода от теории равновесия в интерпретации «Таблицы» в сторону анализа кругооборота по типу сраффианского «производства товаров посредством товаров»³.

¹ Наблюдая за «спором о методе», «автор этой книги придерживается метода историко-философского критицизма, носящего синтетический характер, и идет по стопам Адама Смита и Канта» (Онкен А. История политической экономии. С. 9—10); переходя отсюда к вопросу о начале политической экономии как науки, Онкен усматривает главный критерий в «появлении метода исследования, определяемого вполне сознательно задачами науки» (с. 4).

² «Ее [Таблицы] значение следует искать не в фактической части системы. Остается область метода, и мы уже не раз указывали, что к этой именно области и относится «Tableau» (см. у Онкена, с. 736 наст. изд.).

³ «Проблема интерпретаций, основанных на системе [«затраты-выпуск»] открытого типа, заключается в том, что они игнорируют круговой характер производства и потребления в «Таблице», — единственный в своем роде вклад Кенэ в экономическую теорию согласно Марксу и Шумпетеру» (со ссылкой на Сраффу; см. с. 1080 наст. изд.). См. Аналогичную постановку проблемы у Герлица: Herlitz L. From Spending and Reproduction to Circuit Flow and Equilibrium: the Two Conceptions of Tableau économique // European Journal of the History of Economic Thought. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 19—20.

Во-вторых, в попытке решить эту задачу самостоятельно, Онкен расширяет горизонт исследования, добавляя к «Analyse» 1766 г.¹ т.н. «первую» и «вторую» экономические проблемы (до сих пор непереведенные на русский язык). В отличие от «Таблицы», изображающей здоровое, идеальное состояние, они моделируют «болезненное состояние» общества, когда утеряно равновесие. И вот его вывод: «Задача [«Проблем»] заключается в том, чтобы на основании вычислений найти средства, противодействующие упадку (*dépérissement*) и помогающие вернуть «Tableau», переставшей действовать, ее уравнивающую роль и тем самым привести общество в «состояние процветания». Числа, которые Кенэ применяет при этом, совершенно гипотетичны. Государственные деятели должны подставлять вместо них числа, взятые в каждом данном случае из реальной жизни, т.е. из *статистики*. Статистика составляет, таким образом, условие применения «Tableau». Если неверны данные, то же самое следует сказать о выводах построенного на них исчисления»². Здесь, как видим, с исчерпывающей полнотой описано то, что впоследствии стало исследовательской программой В. Леонтьева, стремящегося заполнить «пустые коробки» Клэпхем в теории общего экономического равновесия (1936).

3. Российская аналитическая традиция, С.А. Подолинский и наследие Кенэ

Издание первоначального варианта «Экономической таблицы», осуществленное Британской экономической ассоциацией в 1894 г. (в связи с 200-летием со дня рождения Кенэ), отвлекло внимание ученого мира от действительного развития метода, которое отныне было связано с «Капиталом» Маркса. В том же году в своих «Периодических промышленных кризисах» М.И. Туган-Барановский выявляет противоречие между схемами воспроизводства общественного капитала II-го тома и теорией рынка III-го тома «Капитала», и делает вывод о том, что эти «знаменитые схемы остались без своего логического завершения, как бы совершенно инородным телом в стройной системе марксизма»³.

Следуя указанию Энгельса в предисловии ко 2-му тому «Капитала», что этот том является «самым зрелым трудом» Маркса, Туган-

¹ Ср. в контексте исследований Маркса оценку, данную Онкеном: «Нельзя сказать, что «Tableau» сделался более понятным благодаря «Analyse» Кенэ. Последний составляет вообще лишь выдержку. Общее впечатление, им производимое, — скорее впечатление игры понятиями, чем теоретического фундамента, на что он претендует. Это мало лестное впечатление исчезает, однако, при ознакомлении с обеими более поздними «Problèmes», показывающими способы его применения» (с. 680 наст. изд.).

² См. в наст. изд. с. 680—681.

³ Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997. С. 250. См. в наст. изд. с. 905.

Барановский для логического завершения Марксовой системы осуществляет возврат от Маркса к «Таблице» Кенэ в своей теории рынка: он добавляет в марксовы схемы третье подразделение общественного воспроизводства – производство предметов потребления капиталистов (см. схему 1, наст. изд., с. 906). Но он не ограничивается переложением на язык «Таблицы» Кенэ только марксовой схемы простого воспроизводства, а делает попытку проследить историческую эволюцию общества с помощью своей модифицированной схемы¹.

Сначала возникла схема № 2, моделирующая накопление капитала (схема расширенного воспроизводства, с нормой капитализации 50%); здесь Туган-Барановский наталкивается на проблему подразделения товаров: есть те, которые в процессе капитализации прибыли — вследствие равномерного роста всех отраслей промышленности — становятся «никому не нужными», и есть те, «которых будет недостаточно на рынке» (с. 909 наст. изд.). Он, однако, сворачивает с пути разделения товаров на «базисные» и «небазисные» (по терминологии Сраффы) указанием на необходимость изменения распределения национального производства, в результате чего и появляется схема № 2. Если следовать позднейшей теории Сраффы, Туган-Барановский при переходе от простого к расширенному воспроизводству не учел один из аспектов «прибавочного продукта» (§ 6 «Производства товаров»).

В ходе полемики с Каутским возникла схема, рассматривающая расширенное воспроизводство при условии снижения заработной платы и постоянном уровне потребления капиталистов, так что хотя «расширение общественного производства и сопровождается... сокращением общественного потребления, несмотря на это, предложение и спрос продуктов остаются в совершенном равновесии» (с. 917 наст. изд.). Эта схема интересна тем, что она иллюстрирует самое широкое замещение рабочих машинами; но последние не становятся от этого излишними и бесполезными. Даже если «рабочий класс исчезнет, это само по себе несколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности» (с. 920 наст. изд., ср. с точкой зрения Дмитриева на анализ «дальше современных форм производства» в его «Экономических очерках»).

При этом предполагается, что принцип «Таблицы» — равновесие — сохраняется; но вместо проблемы «чистого продукта» и его распределения основным у Туган-Барановского становится вопрос об оптимальном соотношении народнохозяйственных пропорций или про-

¹ Тот факт, что сам Кенэ строил «Таблицу», противопоставляя свою «статическую» точку зрения эволюционной теории обществ Вико-Монтескье-Тюрго, говорит скорее не о синтезе Туган-Барановским подходов Кенэ и Маркса, а о ревизии самой точки зрения Маркса на эволюцию капитализма. И в этом еще одно проявление (наряду с теорией кризисов) неортодоксальности его взгляда.

блема безостановочного развития промышленности¹. Тем не менее, как раз здесь идея Туган-Барановского относительно модификации «Таблицы» высвечивается наиболее ярко: она описывает капиталистическое хозяйство в его идеальном или организованном состоянии; поскольку же реальному капитализму присущи черты неорганизованности, антагонистичности и империалистической экспансии, появляются кризисы, которые не случайно сравниваются ученым с заболеванием и оздоровлением общественного организма². Кризисы у Туган-Барановского заняли место экономических «Problèmes» Кенэ.

В свете дальнейшего развития традиции посмотрим на исходную схему № 1 как если бы она была «Экономической таблицей», потому что именно в этом случае сходство двух конструкций максимально, несмотря на разницу в арифметическом resp. графическом способе представления³.

Рабочие в схеме Туган-Барановского — это фермеры, они производят как свои собственные предметы потребления с помощью средств производства («первоначальных авансов»), так и чистый продукт; те, кто производит средства производства, — это «бесплодный класс», ремесленники; Туган-Барановский добавляет в схему Маркса, таким образом, «землевладельцев», которые в данном случае как бы тратят полученную от фермеров (рабочих) ренту или чистый продукт. И у Кенэ, и у Туган-Барановского в схеме три класса, которые взаимоувязаны и обеспечивают непрерывность кругооборота.

Однако, сразу бросаются в глаза отличия двух схем, которые послужили источником дальнейшего развития и критики. Во-первых, акцент в производительной деятельности смещается от фермеров к ремесленникам. Это означает, что *труд* последних также не «бесплоден», а производит стоимость; если же стремиться выровнять прежний «физиократический» баланс между фермерами и ремесленниками, то нужно предположить, что фермеры производят также и собственные «первоначальные авансы». В любом из этих случаев *земледелие как единственная сфера производительного труда* (source

¹ «Ничего не стоит построить новую схему, в которой все рабочие вплоть до одного будут заменены машинами» (с. 919—920). Но если рабочий класс исчезнет, то исчезнет и переменный капитал v , и сама формула $Q = c + v + m$ изменится. Действительно, новая схема, описывающая безостановочное производство по сути базисных товаров угля и железа, отходит от теории прибавочной стоимости, но не теряет связи с доктриной «чистого продукта» (см.: Курской Л.В. Теория рынка и промышленных кризисов М.И. Туган-Барановского. М., 1916). Между тем Туган-Барановскому пришлось все же впоследствии обратиться к теории распределения, которая по контрасту с теорией кризисов отличалась малой оригинальностью (мнение В.Я. Железнова).

² Ср. меткое суждение Шелля о том, что при конструировании «Таблицы» Кенэ хотя и был уже экономистом, но не перестал быть доктором (цит. по: Штейн В.М. Физиократы и классики. С. 78).

³ «Эта схема иллюстрирует, каким образом распределяется капиталистическое производство в целом общественного хозяйства в том случае, когда потребляется весь прибавочный продукт» (наст. изд. с. 906).

unique de la richesse), как сфера, производящая чистый продукт, теряет смысл. И именно в этом контексте нужно понимать упреки Маркса физиократам (Кенэ-Тюрго), что они не знали другой формы прибавочной стоимости, кроме земельной ренты, или ренты вообще¹. Но они имеют отношение, собственно, уже не к Кенэ, а к переходу от Тюрго к Смиту, в котором устраненное понятие «бесплодности» повлекло за собой трудность в создании соответствующей теории ценности производимого продукта (ее еще нет у Тюрго, но уже есть у Смита).

Во-вторых, в строке, отвечающей за производство средств производства, присутствует прибавочная стоимость, которую можно истолковать как прибыль в секторе ремесленников. Но это — уже точка зрения Тюрго в «Размышлениях...» (§ 61), а не Кенэ. Неудивительно, что «основоположники научного коммунизма называют учителем Адама Смита не Кенэ, а именно Тюрго»².

В-третьих, нарушается физиократический принцип передачи «чистого продукта» земледелия земельным собственникам³, которые даже в случае простого воспроизводства обладают не всем чистым продуктом — «мешают» средства производства, на величину которых возникает расхождение между общественным продуктом (2880) и общественным доходом (1440). Но если для Туган-Барановского это было важнейшим аргументом в доказательстве положения, что «спрос на средства производства создает такой же рынок для товаров, как и спрос на предметы потребления»⁴, и последующем переходе к теории *периодических кризисов промышленности*, то в контексте сравнения «Таблицы» Кенэ и схем Маркса это порождает центральную проблему в понимании существа «чистого продукта» — представлять ли его как вещественное приращение богатства, или же как увеличение меновой стоимости. Физиократическая доктрина «чистого продукта» оказывается в дальнейшем плодотворным критерием различия ортодоксального и неортодоксального марксизма в теории.

¹ «Петти, Кантильон, вообще авторы, ближе стоящие к эпохе феодализма, рассматривают земельную ренту как нормальную форму прибавочной стоимости вообще» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 346). «Кенэ также отождествлял прибавочную стоимость с земельной рентой» (Дроздов В.В. Франсуа Кенэ. С. 33).

² Цитата из предисловия Бака «Тюрго как экономист» (указ. соч., с. 26). Ссылка по Марксу: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 530. Бесспорным расхождением Смита с физиократами (исключая Тюрго) было иное толкование труда в его связи с «бесплодностью».

³ В том, что это уже собственники средств производства, а не земли, можно усмотреть дополнительный аргумент в пользу отмеченного отличия № 1. Этот принцип у Тюрго все еще сохраняет свое значение (см. § 65 и § 62 «Размышлений...» в сравнении).

⁴ Наст. изд., с. 923. Расширение рынка происходит в итоге безо всякого нарушения баланса между общественным спросом и общественным предложением, хотя наблюдается рост общественного производства при одновременном (сколь угодно мыслимом) сокращении общественного потребления.

Ортодоксальные марксисты как в 1910-е (К. Каутский, О. Бауэр¹), так и в 1920-е гг. (И.И. Рубин), не говоря уже о более поздних временах, однозначно придерживались той точки зрения, что физиократы смешивали эти два понятия, вследствие чего вся их теория «носит путанный и противоречивый характер»². Цитаты, подбираемые ими из различных произведений Маркса, действительно, могли бы убедить, что Маркс однозначно придерживался той же критической точки зрения. Однако нетрудно заметить, что его собственная критика также исходила из двух основ мировоззрения: теории прибавочной стоимости и материалистического понимания истории³. Показательно, но ортодоксия даже не задавалась вопросом о том, не могло ли в процессе критики идеи «чистого продукта» произойти, в свою очередь, смешения самих этих основ; видимо, камнем преткновения оказывался здесь принцип единства исторического и логического, которому не хватало историко-экономического критицизма. Так, Рубин «вслед за Марксом» констатировал, что, с одной стороны, «вопрос о возрастании стоимости физиократы подменили вопросом о возрастании материи», а с другой — «отмеченное нами смешение меновой стоимости с продуктом в натуре являлось отражением естественных условий французского сельского хозяйства, которое в середине XVIII в. сохраняло еще значительные пережитки полунатурального хозяйства»⁴.

Для Туган-Барановского вопрос о критике физиократов по существу не стоял; вопрос же о сочетании теоретического и практического в системе Маркса решался разведением их по разные стороны: теорию

¹ Bauer O. Bücherschau. Marx-Literatur // Der Kampf. Sozialdemokratische Monatsschrift. Wien, 1911. Jahrgang IV. Heft. 5. S. 237—238 (критика «физиократа» Г. Харазова).

² «Ценностная производительность земледелия смешивается с физической производительностью земли... Из особой *физической* производительности земледелия — если бы даже таковая существовала — нельзя выводить повышенную стоимость сельскохозяйственных продуктов» (Рубин И.И. Франсуа Кенэ. С. 96, 114). В другой своей книге Рубин замыкает свое изложение на вытекающую отсюда «ошибочную доктрину чистого продукта физиократов» (Рубин И.И. История экономической мысли. 3-е изд., доп. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 138 и др.). Тем не менее, научный характер высказываний Рубина аналогичен высказываниям И.Г. Блюмина в отношении немарксистского характера построений В.К. Дмитриева, которые остаются одними из самых скрупулезных исследований (Блюмин И.Г. Субъективная школа в политической экономии. Т. 1. М., 1928).

³ К критике первого типа относилось, например, суждение: «Ошибка физиократов происходила от того, что они смешивали увеличение материи, которое благодаря естественному произрастанию и размножению отличает земледелие и скотоводство от мануфактуры, с увеличением меновой стоимости» (цит. по: Рубин И.И. Франсуа Кенэ. С. 114). К критике второго — такое: «...В системе физиократов содержалось противоречие, состоявшее в том, что с одной стороны земельная рента сведена к прибавочной стоимости, а с другой стороны она выводилась не из общественных отношений, а объявлялась результатом действия сил природы. С одной стороны она высвобождалась из феодальной оболочки, а с другой — толковалась в феодальном духе... «Все это — противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 23).

⁴ Рубин И.И. Франсуа Кенэ. С. 114—115, 96.

прибавочной стоимости он принял без колебаний и исходил из нее в построении своих физиократических схем, тогда как в отношении эволюции истории общества он апеллировал в конечном итоге к теории предельной полезности¹. Противоречия были бы сглажены, если бы не появились «Теоретические основы марксизма» (1905), в которых Туган-Барановский применил свои схемы для опровержения закона тенденции средней нормы к понижению в третьем томе «Капитала»².

Это спровоцировало критический аргумент автора количественной версии «большого противоречия» 1-го и 3-го томов «Капитала» Борткевича (в отличие от качественной версии Э. фон Бем-Баверка): «аргументация Туган-Барановского [на основе его собственных схем] ошибочна, так как в действительности им совершенно не показано отсутствие связи между нормой прибыли и строением капитала»³. В результате анализа схем Туган-Барановского с привлечением математического метода, взятого из «Экономических очерков» Дмитриева, Борткевич пришел к парадоксальному, но строго обоснованному (через постановку т.н. проблемы трансформации стоимостей в цены производства) выводу о том, что по причине варьирования Туган-Барановским нормы прибавочной ценности в своих примерах «доказательство независимости органического строения капитала от нормы прибыли ему не удалось... Утверждение [такой связи] делают полностью безосновательным как раз схемы самого Туган-Барановского»⁴.

Тот факт, что Борткевич в своей критике Маркса через Рикардо полностью потерял связь схем воспроизводства Туган-Барановского с «Таблицей» Кенэ, было осознано и подчеркнуто Г.А. Харазовым, который, тем не менее, также был против варианта критики закона тенденции, предложенного Туган-Барановским⁵. И все тот же Харазов указал на показательную ошибку, допущенную Туган-Барановским, который смешал прибыль или прибавочную стоимость (т.е. разницу между стоимостью,

¹ Относительно движения обществ в истории Туган-Барановский еще с работы 1890 г. имел собственную точку зрения, считая, что трудовая теория ценности на «высших этапах культуры» будет вытеснена теорией предельной полезности или войдет с первой в органическое соединение. Ср. также «теорему Туган-Барановского» о ценообразовании в современном обществе (а также возврат к этой точке зрения С.Г. Струмилина в 1921 г.) В «Теоретических основах марксизма» и др. работах позднего периода историческая схема Маркса лишь слегка подправляется, под влиянием идей о социализме.

² Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М., 1918 [1905]. С. 141—151.

³ Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1906. Bd. XXIII. Heft 1. S. 49. Схемы воспроизводства Туган-Барановского интересовали Борткевича как способ, при помощи которого тот «приходит к отклонению учения Маркса по вопросу об источнике происхождения прибыли на капитал» (с. 48—49).

⁴ Bortkiewicz L. von. Zur Berichtigung der grundlegenden theoretischen Konstruktion von Marx im dritten Band des «Kapital» // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1907. Bd. 34. S. 335.

⁵ Charasoff G. von. Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik. Berlin: Hans Bondy, 1910. Kap. XIII—XV.

созданной живым трудом, и заработной платой) с «чистым продуктом» в абсолютном выражении, без учета трудовых затрат на создание последнего¹. Все это показывало, что доктрина «чистого продукта» оставалась наиболее уязвимым местом при интерпретации «Таблицы», которая почти через *150 лет после своего создания* легла в основание новаторской теории кризисов. Но в контексте исследований Харазова этот результат можно понять и как недостаточно радикальный возврат Туган-Барановского к самой «Таблице», потому что теория прибавочной стоимости осталась у него первичным элементом конструкции.

Между тем, подобное разведение Марксовых принципов прибавочной стоимости и истории (понимаемого в плоскости общественных отношений) по разные стороны не позволяло критически отнестись и к «Теориям прибавочной стоимости»; и если Туган-Барановский в творческий период 1890—1905 гг. не мог сделать этого физически («Теории» издавались в 1905—1910 гг.), то Борткевич, следующий в своей критике Маркса за Туган-Барановским, не нашел ничего лучшего, чем следуя в то же время за Дмитриевым, вернуться к Рикардо и искать в «Теориях» слабые точки марксовых критических возражений в адрес последнего.

Таким образом, вырисовывается комплекс проблем в развитии традиции после Маркса применительно к российским экономистам, если рассматривать это движение в контексте физиократической мысли. Это, во-первых, описание теории Харазова, который реализует максимальное сближение российской традиции и физиократии, и в то же время предвосхищает ряд построений как В. Леонтьева, с одной стороны, так и П. Сраффы, — с другой; и, во-вторых, — выяснение принципиальных пунктов расхождения Дмитриева с физиократами.

Однако еще ранее был мыслитель, который в попытке найти естественнонаучные основы «Капитала» Маркса предложил, видимо, первое непротиворечивое толкование идеи «чистого продукта» в его связи с трудом и историей общества: это Сергей Андреевич Подолинский (1850—1891). Благодаря его усилиям, мы можем сказать, что «молчание Мавра», не высказывающееся ни за, ни против концепции Подолинского², является свидетельством нетривиальности ее смысла, и что Маркс в конце жизни мог изменить свою точку зрения на связь «чистого продукта» физиократов и своей теории прибавочной стоимости.

Подолинский, врач по образованию и призванию (см. его «медицинские и социально-экологические исследования»), воспитанный на французской культуре, воспринял идею кругооборота или «совершенного кругового процесса» у Карно, и связал ее с принципом экономического эквивалента человеческой рабочей машины. Суть дела

¹ Charasoff G. von. Karl Marx über die menschliche und kapitalistische Wirtschaft. Eine neue Darstellung seiner Lehre. Berlin: Hans Bondy, 1909. Kap. IV.

² См.: Мочалов И. От редактора // Чесноков В.С. Сергей Андреевич Подолинский. М., 2001. С. 5—6. Письма Подолинского Марксу и конспект его работы, принадлежащий Марксу, см. на с. 125—129, 148—151.

в том, что этот принцип при расчете энергийного бюджета системы позволял вычислять его как простое отношение выпуска к затратам минуя промежуточные звенья. Здесь удивительное сходство с «зерновой моделью». В контексте этих вычислений Подолинский при исследовании энергии, содержащейся на полях Франции, обращается к Кенэ и ясно улавливает расхождение его точки зрения с А. Смитом¹. И при этом он сознательно рассматривает эволюцию общества от первобытного строя до будущего общества, проводя единую точку зрения на экономию превратимых родов энергии в качестве аналога теории прибавочной стоимости (человеческий труд все равно является высшей формой и реализацией этого процесса). В ряде фрагментов статьи рассуждения Подолинского являются полностью физиократическими².

В своих «Очерках» (созданных не позднее весны 1897 г.) Дмитриев как бы намеренно обходит теорию физиократов. Он упоминает о физиократах два раза, и оба с критическим оттенком: сначала Тюрго и его идею тяготения жизненных средств рабочих к минимуму существования («Размышления...», § 6) в очерке I, и затем полемику Ле-Трона и Кондильяка о субъективной теории ценности в очерке III³. Но к Кенэ и «Таблице» они не имеют прямого отношения. Мы знаем, что «учитель» не формулировал принципа, ставшего впоследствии у Рикардо «железным законом заработной платы»; а второй упрек Дмитриева был связан с мыслью Вальраса о том, что у физиократов не было теории ценности. Однако, одно важное соображение указывает на общность идей Дмитриева и Кенэ.

В 1908 г. была издана сочинение Кенэ «Население» (или «Люди»)⁴, в котором содержалась его теория издержек производства: было эксплицировано понятие «фундаментальной цены» и ее отличие от цены продажи из первых рук и цены конечного потребителя. Дмитриев начинает свой очерк I «Теория ценности Рикардо» с формулировки общего тезиса о том, что в предположении долгосрочности производственного процесса цена товара должна превышать издержки его производства. *В этой связи детальный анализ издержек производства, начиная с т.н. «реальных», т.е. исключаящих прибыль на авансированный капитал, может быть понят как развитие мыслей Кенэ.* Не случайно первое подобие модели «затраты-выпуск»

¹ Выдержки Подолинского из словаря: «Кенэ сказал: труд непроизводителен. Адам Смит — один труд производителен... Как примирить подобные противоречия? Очевидно, тут должен быть спор о словах, принятых в различном значении... Кенэ прав, говоря, что труд не производит реального богатства, потому что труд не создает вещества. Но точно так же прав и Смит, потому что то, что нам нужно во всяком богатстве, удовлетворение наших потребностей посредством потребления предварительно сбереженной энергии, совершается только трудом» (наст. изд. с. 1140—1141).

² См. в наст. изд. с. 1116—1119, 1126—1129, 1131 и др.

³ Дмитриев В.К. Экономические очерки. М., 2001. С. 53, 251—252.

⁴ Hommes // Revue d'histoire des doctrines économiques et sociales / A. Deschampe, A. Dubois (éds.). Paris, 1908. No. 1.

вращалось вокруг определения количества труда, а разрешение порочного круга определения цен из цен потребовало формулировки «зерновой модели» применительно к Рикардо¹. Дмитриев тоже понимал систему в очерке I через кругооборот, но как бы в горизонтальном измерении; решая проблему ценности, он описывал экономику системой одновременных линейных уравнений. (Это, правда, привело его к теории «постсовременных форм производства» и к обществу, в котором норма прибыли становится равной нулю, при сохранении действенности трудового принципа; противоположная воспроизводственным моделям логика развертывания теории Дмитриева заставляет видеть в ней потенции, отличные от стандартной теории воспроизводства.)

В русле этой аргументации находится и ранняя работа Леонтьева «Хозяйство как кругооборот» (1928). Леонтьев, как и Дмитриев в начале очерка I, не видит смысла доказывать приоритет труда над капиталом, предпочитая одновременную связь переменных каузальной. Но Леонтьев строже, чем Дмитриев, апеллирует к кругообороту. Это достигается как за счет отхода от теории предельной полезности в качестве специфически экономической точки зрения (опирающейся на «редкость» хозяйственных благ), так и за счет — это важная мысль — выхода за рамки собственно теорий цен, которые не столько очевидны, сколько тривиальны².

Наследие Харазова, являясь еще малоизученным и слишком обширным для анализа здесь, реализовало более радикальный, чем то было у Туган-Барановского, возврат к «Таблице» Кенэ и тем самым завершило отечественную традицию. Не только схемы воспроизводства 2-го тома, но весь «Капитал» последовательно рассматривается Харазовым сквозь призму «Экономической таблицы» и доктрину «чистого продукта». Особенно это касается теории прибавочной стоимости 1-го тома: на простом примере производства «чистого продукта», который затем постепенно усложняется, Харазов доказывает, что физиократический принцип кругооборота является более общим, чем теория прибавочной стоимости, где «прибыль проистекает исключительно от человеческого труда»³. Диалектика закона стоимости, эксплицированная Харазовым,

¹ Позже Сраффа в своем «Предисловии» к сочинениям Рикардо фактически доказал, что «зерновая модель» Рикардо являлась развитием принципа «чистого продукта» Кенэ и совместима с ним.

² Леонтьев В. Хозяйство как кругооборот. См. в наст. изд. с. 940, 934—935.

³ Пример: ежегодно высевается 100 мер зерна и 200 собирается в качестве урожая; тогда может показаться, что чистый продукт, заключая в себе годичный продукт труда (в 100 мер), является продуктом только живого труда, а 100 мер, предназначенных для посева на следующий год, как бы лежат в хранилище (Speicher). Но такое представление неверно: в каждой мере зерна, собранного в качестве урожая, содержится половина мертвого и половина живого труда, так как чистый продукт невозможно было бы создать без участия мертвого труда (100 мер посева, которые будут отложены и на следующий год) или из ничего (100 мер, эквивалентных живому труду, которые уходят на потребление). «Таким ►

перекинула мостик от теории стоимости 1-го к теории цен производства 3-го тома, позволив обойти «большое противоречие», на котором так настаивал Борткевич. Итоговые конструкции Харазова относительно генеалогии рядов производства (Produktionsreihen) и идеи самоподобного в своем расширении «пра-капитала» (Urkapital) удивительно смыкаются с построениями П. Сраффы, связанными с конструированием «стандартной системы» и вертикальным восхождением от фактически данной экономической системы к «своему прочному основанию»¹. В этом смысле можно говорить об общности взглядов Харазова и Сраффы, которая представляет собой не случайное совпадение, а единство развиваемой теории по линии «Кенэ-(Смит)-Рикардо-Маркс», причем «Таблица» Кенэ представлена в этом движении как геометрический «зигзаг», а не арифметическая формула².

4. Путь развития физиократии после П. Сраффы и его «Производства товаров посредством товаров»

Исходным пунктом размышлений можно считать следующую интенцию Сраффы: осознание им незавершенности марксова «Капитала» в части «Теорий прибавочной стоимости»³, и вытекающее отсюда стремление переформулировать «Капитал» в современных терминах. Последнее основывалось на возврате к наследию старых классических экономистов, прежде всего физиократов; и действительно, указание на то, что исходным пунктом выстраивания круговой схемы «производства товаров посредством товаров» является «Таблица» Кенэ, снимает вопросы о приверженности Сраффы исключительно Рикардо (несмотря на многолетнее издание его трудов и эпистолярного наследия). Экономическая сторона модели Сраффы получила отражение как в дискуссии «двух Кембриджей» по проблеме капитала

(Продолжение сноски со стр. 36)

образом, в потребление переходит половина продукта обоих видов труда, и точно так же половина продукта мертвого и живого труда откладывается для посева на следующий год» (Charasoff G. von. Karl Marx über die menschliche und kapitalistische Wirtschaft. S. 6—7).

¹ Сраффа П. Общее введение к «Трудам и эпистолярному наследию Давида Рикардо» и предисловие к «Началам политической экономии» // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 904.

² Общность российской традиции и Сраффы, с одной стороны, и российской традиции и Харазова — с другой, были уже показаны нами в другом месте. Остается вопрос о связи «Харазов-Сраффа», который требует отдельного исследования.

³ «...Есть опасность закончить [теорию] как Маркс, который опубликовал «Капитал», но не закончил «Теории прибавочной стоимости». Что еще хуже, он не сумел в понятийном отношении замкнуть теорию на себя без помощи истории как средства объяснения. Моя цель: представить историю, которая есть действительно вещь, относящаяся к сущности, в настоящем. Пояснение: что для этого требуется, так это идти прямо в неизвестность, от Маршалла к Марксу, от отрицательной полезности (disutility) к материальным издержкам (material cost) (архив Сраффы: D3/12/11: 35).

и переключения технологий, так и в реконструкции классического политико-экономического наследия в духе «зерновой модели». *Интуиция Сраффы, усмотревшего в «Таблице» принцип кругооборота, а не равновесия в смысле метода «затраты-выпуск», для применения которого как раз не обойтись без законов доходности или же общего принципа отдачи, позволила ему более чем на полвека опередить последователей Леонтьева.*

Но одно соображение Сраффы при этом было оставлено без внимания; оно лежит в одном русле с предшествующим изложением. Речь идет о способе формулировки теории Маркса в современных терминах: «...путем замены его метафизики и терминологии гегелевского типа нашей собственной современной метафизикой и терминологией» (архив Сраффы: D3/12/4; A5.5, ноябрь 1927)¹. Терминология была реализована как через систему одновременных уравнений, связывающих производственные затраты и выпуск (Сраффа был участником т.н. «воспроизводственного залапа» конца 1920-х гг. вместе с Леонтьевым и фон Нейманом), так и через имманентный характер исторической компоненты выстраиваемой теории. С метафизикой сложнее; кроме критики построений Борткевича в отношении закона тенденции нормы прибыли к понижению² нам неизвестно другое явно выраженное применение метафизики «очевидности» у Сраффы.

Для этого мы возвращаемся к Кенэ и заново переосмысливаем как его наследие, так и саму «темную» фигуру мыслителя на фоне Просвещения. Статья «Очевидность» (1756, см. в наст. изд.), прочитанная с учетом позднейшего развития традиции, а также в контексте современной мыслителю эпохи, выявляет контуры нового толкования физиократической метафизики.

Во-первых, она проясняет связь философских воззрений Кенэ с принципом «Экономической таблицы» 1758 г.: механизм памяти, репродуцирующей ощущения, а также сами ощущения, которые доставляют данные чувственного опыта, в совокупности образуют кругооборот. Кругооборот обеспечивает единство тела и души, их длящееся взаимное существование; поскольку же порядок в сфере

¹ Цит. по: De Vivo G. Produzione di merci a mezzo di merci: note sul percorso intellettuale di Sraffa // Contributions to Political Economy / M. Pivetti (ed.). Napoli: Carocci, 2000. Vol. 22. P. 7.

² Согласно Борткевичу, закон «стоит на том, что Маркс устанавливает определенное (и действительно довольно простое и ошибочное) арифметическое отношение между величинами, из которых одна принадлежит его «схеме стоимости и прибавочной стоимости», а другая – «схеме цены и прибыли» (архив Сраффы: D1/91: 10). Сраффа помечает себе утверждение Борткевича о том, что «Туган-Барановский вполне прав в своей критике Маркса», но сам Борткевич остается неудовлетворенным доказательством ошибочности закона тенденции. Вывод Сраффы: «Формула $\frac{m}{c+v} = \frac{m}{v} \cdot \frac{v}{c+v}$. Если первый множитель постоянен, а второй уменьшается, закон «очевиден». «Ошибка» в том, что второй множитель является выражением (неправильной) [схемы] «стоимость-прибыль», вместо «цена-прибыль». И это все!» (архив Сраффы: D1/91: 11).

морали есть область свободы субъекта, который волен не грешить, принцип «Таблицы» распространяется только на область физических явлений. До этого подчеркивалась ранняя связь медицинских и философских трудов Кенэ (Онкен), или же — как в последнее время — исследовался процесс трансформации взглядов Кенэ от «Энциклопедии» к «Таблице»¹, для чего эволюция Кенэ связывалась с «*Essai sur l'amélioration des terres*» Х. Патулло². Косвенным доказательством того, что главным философским сочинением Кенэ была «Очевидность», а не «Естественное право» (1765), служит изменение характера общественной деятельности Кенэ и его кружка (workshop) после смерти мадам де Помпадур в мае 1764 г.³

Во-вторых, анализ философских взглядов Кенэ заставляет поставить его рядом не с Декартом или Лейбницем, и не любимым им Мальбраншем, а с Кантом⁴. На это указывает толкование Кенэ чувственной достоверности как исходной сферы; его отказ признавать за самосознанием субъекта статус познавательной процедуры; отрицание рядоположенности и взаимопроникновения трех, по Кенэ относительно автономных, сфер архитектуры души: чувственности, рассудка и разума.

В-третьих, соотнесение Кенэ с Кантом в свете двух свидетельств — отказа Харазова и особенно Сраффы от гегелевской диалектики; и в то же время именования «Таблицы» орудием (outil, ustensile) познания, «un nouveau genre de dialectique» (новым родом диалектики, Мирабо в «Explication» 1760 г.), — открывает новое измерение интерпретации физиократической традиции. Не борьба с неоклассическим мейнстримом в духе дискуссии «двух Кембриджей», и не толкование классики в духе предтечи грядущей маргиналистской революции, а сопоставление истории политико-экономической традиции с историей классической философии, еще лучше с историей понятия бытия⁵, — вот путь ее идейного развития.

Основные союзники Кенэ в истории философии — Сократ с его майевтическим методом, и демоном, который ничего не утверждал, а только предостерегал; Платон (а не Аристотель, столь любимый Смитом и экономической наукой) с теорией воспоминания, а также

¹ Charles L. From the Encyclopédie to the Tableau économique: Quesnay on freedom of grain trade and economic growth // European Journal of the History of Economic Thought. 2000. Vol. 7. No. 1. Spring. P. 1—7.

² Charles L. Le masque et la plume: la contribution négligée de F. Quesnay à l'Essai sur l'amélioration des terres // Economie et Sociétés. 2000. Vol. 30.

³ Théré Ch., Charles L. The Writing Workshop of François Quesnay and the Making of Physiocracy (Report on History of Economics Seminar at Duke University. 2005. April). P. 15—20.

⁴ Частичный намек на такую постановку содержится в предисловии М. Ковалевского к книге: Cheinisse L. Les idées politiques des physiocrates. Paris, 1914. P. IV. Не исключен также вариант Беркли, но он представляет собой менее продуктивную в эвристическом отношении гипотезу.

⁵ По примеру исследования: Доброхотов А.А. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986.

идеей совершенного государства, первым прообразом «Таблицы»; Кант с идеей о двух мирах — природы и свободы; И.Г. Фихте, который в первой части «Замкнутого торгового государства» (1801) строит аналог «Экономической таблицы» и на этом основании может считаться первым автором, оценившим значение данной конструкции; Гегель в части общесистемных представлений о кругообороте, а также в части диалектики раба и господина в «Феноменологии духа»; исходный принцип «Феноменологии» указывает на сходство с «зерновой моделью»¹.

В-четвертых, очерчивается форма теории, конструируемая от Кенэ до Харазова и Сраффы; в отличие, например, от механической теории, или по другому названию, «теории колебаний промышленности» Маршалла (архив Сраффы: D3/12/7: ivi; iii), это — геометрическая теория. У Платона в «Государстве» последовательно описаны четыре науки, благородные для разума: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. «Зигзаг» Кенэ начинал с геометрии, но был утерян; Маркс вернулся к арифметике и «Таблице» как арифметической формуле; Харазов строит точную абстрактно-дедуктивную конструкцию на языке линейной алгебры, геометрии и топологических представлений; наконец, Сраффа, в подготовительных записях постоянно прибегающий к астрономическим аналогиям, говорит о «прелюдии к критике экономической теории». Перефразируя слова Эйнштейна применительно к теории атома Бора, можно сказать в данном контексте, что «Таблица» представляет собой высшую музыкальность в области политико-экономической мысли.

Для того, чтобы понять это, нам нет нужды выходить за пределы очерченной традиции. Долгие споры о заимствовании «Таблицы» Кенэ у Кантильона, инициированные еще Джевонсом в 1880-х гг. в связи с проблемой национального характера политической экономики, разрешаются указанием Онкена: Кантильону и его системе при значительном сходстве с физиократией «недостает в особенности той великой морально-философской основы, которая характеризует системы Кенэ и Адама Смита»². Эта основа системы Кенэ, ее метафизика, гораздо в большей степени, чем его экономическая теория, превращенная после смерти Помпадур в физиократическую школу,

¹ «...Природа предмета, который мы исследуем, избавляет [нас] от этого разделения или этой видимости разделения и предпосылки. Сознание в себе самом дает свой критерий, и тем самым исследование будет сравнением сознания с самим собою...» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000. С. 51). Гегель подчеркивает: «В этом отношении в только что упомянутом процессе следует еще резче подчеркнуть один момент, выявляющий нечто новое о научной стороне дальнейшего изложения [по сравнению с Кантом и Фихте]» (с. 52).

² См. у Онкена (История... С. 284). «Essay» Кантильона «более чем какая-либо другая книга, мне известная, представляет собой первый трактат по экономике (economics)» (Jevons W.S. Richard Cantillon and the Nationality of Political Economy [1881] // Цит. по: Cantillon R. Essai sur la nature du commerce en général. London, 1959. P. 342). К этой точке зрения примкнул позже Г. Гигс в своих статьях о Кантильоне в «Quarterly Journal of Economics» (1891—1892).

противостоит взглядам и аббата Галиани¹, и Тюрго², и Смита³. Прочие критики Кенэ, как известно, вовсе не были экономистами, как, например, Дидро⁴ или Гримм⁵; Вольтер, очень чуткий к духовным потребностям эпохи⁶ и давший уничтожающую критику налоговой

¹ «Очевидность — это плутовка, которая должна всему свету. Она обещала, давала расписки всем наукам, но заплатила только одним геометрам, которые, несмотря на это, остались все-таки нищими» (Галиани Ф. Беседы о торговле зерном. Киев, 1891. С. 155).

² Взаимоотношения Кенэ и Тюрго были сложными. Тюрго однозначно выступал против сектантского духа физиократов, т.к. считал, что «никогда не образуют секты для утверждения истины, а всегда для утверждения лжи» (Denis H. Histoire des systèmes économiques et socialistes. T. I. Paris, 1904. P. 132—133). Тем не менее, в письмах к аббату Террэ он отмечает, что предубеждение против физиократов вызывается как раз их сектантским духом и восторженным тоном, но это «не помешало им развить с большой ясностью ряд превосходных истин» (Turgot. Oeuvres / Par G. Schelle. 5 tomes. 1903—1923. T. III. P. 270). Самого Кенэ он называет «патриархом», а в одном письме к Дюпону от 20 февраля 1766 г. говорит по отношению к Кенэ и Гурнэ: «Я сделаю себе честь всю свою жизнь быть учеником и того, и другого».

³ Вопрос о сравнении систем физиократов и Смита имеет самостоятельное значение. Он, без сомнения, требует взвешенного подхода, удерживающего от крайностей: с одной стороны и сам Смит подвергся «интенсивной физиократической инфекции», с другой же — как показывают записи его лекций в Глазго, опубликованные Э. Кеннаном еще в 1896 г., — у него очень рано сложилась своя собственная философская и экономическая метода. Не случайно во время своей поездки в Париж в 1765 г. он был в основном известен в тамошних салонах как философ, благодаря французскому переводу (правда, неудачному) «Теории нравственных чувств»; и Дюпон впоследствии искренне писал Сэю, что физиократы видели тогда в Смите «не более, чем обыкновенного, здравомыслящего и простого человека, т.к. Смит в то время еще не обнаруживал материала, из которого был сделан» (Rae J. Life of A. Smith. L.; N.Y., 1895. P. 215). Гасбах, посвятивший много времени восстановлению целостного философского учения Смита, вообще считает его «одним из наиболее выдающихся философов Англии» (Hasbach W. Untersuchungen über A. Smith. Leipzig, 1891. S. 110). Но если свидетельств личного общения Смита и Кенэ не сохранилось (!), с аббатом Морелле и особенно с Тюрго Смит встречался довольно часто, последнего он очень уважал, восхищаясь его умом и характером (Rae J. Life of A. Smith. P. 201—203). Во всяком случае, философские идеи Смита и Тюрго ближе друг к другу, чем идеи Смита и Кенэ, особенно если учесть заветное желание Смита опубликовать комментарий к «Духу законов» Монтескье, который по замыслу мог бы стать изложением законов развития человеческих обществ в полном противоречии с «антиисторическим» мировоззрением Кенэ и его «*intérêt bien entendu*».

⁴ Выступая против политической программы физиократов, он писал в письмах к Мирабо: «Не говорите мне о вашем легальном деспотизме; я не могу ни оценить его смысла, ни даже понять его. Я не вижу в нем ничего, кроме двух противоречивых слов, которые в соединении ничего не значат для меня» (цит. по: Cheinisse L. Les idées politiques des physiocrates. Paris, 1914. P. 99).

⁵ Гримм критиковал школу Кенэ за узость их мировоззренческой точки зрения: «Мое последнее обвинение против земледельцев-экономистов и их вторников состоит в том, что они — противники изящных искусств. Все те, кто не тащится позади плуга, являются в их глазах бесполезными и почти что опасными гражданами, особенно если они не посещают вторников Мирабо» (Weulersse G. Le mouvement physiocratique en France de 1756 à 1770. T. I. Paris, 1910. P. 145).

⁶ Еще к концу 1750-х гг. относится его замечание: «Нация, пресыщенная стихами, трагедиями, комедиями, романами, операми, романтическими историями и нравственными размышлениями еще более романтического характера, увидела в один прекрасный день, что она может рассуждать о хлебе» (Цит. по: Moride P. Le produit net des physiocrates et la plus-value de Karl Marx. Paris, 1908. P. 27).

политики физиократов¹, о метафизике Кенэ мог сказать только: *son style n'a ni mouvement, ni attrait, ni clarté*.

* * *

Экспликация принципа «очевидности» у Кенэ означает исследование структуры типа $X - X'$ применительно к основным политико-экономическим понятиям. Уже Маркс говорит о том, что «Таблица» реализует круговое движение $T - T'$; теория «пра-капитала» Харазова (К), имеющая связи с моделью равновесия фон Неймана, устанавливает $K' = (1 + R)K$, где R — максимальная норма прибыли или максимальный темп роста экономики; но K для него — «соединение бизисных товаров», функция от T . Сраффа, приписывая понятие R Марксу, получает аналогичное по смыслу выражение (если не вести речь о стандартном товаре) и реализует «очевидность» в одинаковой, т.е. линейно-подобной структуре векторов затрат и выпуска в мире многих T . В «Предисловии» к трудам Рикардо зерновая модель представляла собой не что иное, как выражение: $r = \frac{T}{T'}$, где r — норма прибыли. Проблема заключается сегодня в распространении принципа кругооборота за пределы товарного мира, в мир, где наряду с T были бы представлены и другие политико-экономические категории. В связи с необходимостью диагностики состояния современного общества как живого организма речь может идти о формулировке новой схемы, которая была бы подобна «Экономической таблице» Кенэ.

Клюкин П.Н.

¹ В своей знаменитой сатире «L'homme à quarante écus» [Человек в сорок экю] (февраль 1768) он изображает положение трудового французского крестьянина, который живет в страшной бедности, но которому удастся получить со своей земли чистый доход в 40 экю (чистый продукт в денежном выражении). Приходит сборщик податей и находит, что крестьянин может постараться обеспечить потребности своих души и тела на 20 экю, поэтому сборщик забирает у него вторую половину. Затем этот крестьянин встречается своего старого знакомого, бывшего бедняка, которому по наследству досталось состояние в деньгах и процентных бумагах, дающее 400 тыс. экю годового дохода. Тот едет в карете, запряженной шестеркой лошадей, с шестью лакеями, из которых каждый получает жалованья вдвое больше, чем весь доход крестьянина; его метрдотель получает 2000 экю жалованья и крадет на 20 000; его содержанка стоит ему 80 000 экю в год. «Вы, конечно, платите половину вашего дохода — 200 тыс. экю — государству», спрашивает его крестьянин. «Вы шутите, мой друг, — отвечает ему тот, — я не землевладелец, как вы. Сборщик налогов был бы дураком, если бы он обложил меня; ведь все, что я получаю, идет, в конце концов, от земли, и, следовательно, налог уже кем-нибудь был уплачен. Заставить платить также и меня — это было бы возмутительнейшим двойным обложением... Так, так, мой друг, платите исправно свой единый налог, пользуйтесь спокойно вашим чистым доходом в 40 экю, служите хорошо своему отечеству и заходите иногда пообедать с моим лакеем. О, да, единый налог — это замечательная вещь». Исследователи отмечают, что эта нарисованная Вольтером картина может быть более, чем все остальное, дискредитировала в глазах света труды физиократов (Селигман Э., Стурм Р. Этюды по теории обложения. СПб., 1908. С. 108—109).